

Инна Инфинити

Навсегда
МОЯ

Инна Инфинити

Навсегда моя

«Литнет»

2025

Инфинити И.

Навсегда моя / И. Инфинити — «Литнет», 2025

— Зачем ты приехал, Севастьян? — Я приехал увидеть своего сына. В груди вспыхивает злость, и я начинаю сыпать обвинениями: — Сначала ты принуждал меня сделать аборт, а когда я отказалась, ты не признал ребенка и три года не интересовался его жизнью. А сейчас вдруг захотел увидеть? — Обстоятельства изменились, Элла. Теперь я хочу воспитывать своего сына. Нравится тебе это или нет. — Убирайся вон! — цежу сквозь плотно сжатые зубы. — А если ты еще хоть раз приблизишься к моей квартире, я позвоню в полицию и... У меня не получается договорить. Из коридора доносится топот детских ножек. Оскар выбегает в прихожую. — Мама, а с кем ты разговариваешь? Я не успеваю среагировать. Севастьян отталкивает меня рукой в сторону, делает уверенный шаг в квартиру и впервые видит нашего сына, так похожего на него. Можно читать отдельно, но для желающих первая часть — «Не по любви»;

© Инфинити И., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Абсолютно счастлива	5
Глава 2. Каламбур	8
Глава 3. Обычный день	11
Глава 4. Роль	13
Глава 5. Галлюцинации	15
Глава 6. По-хорошему или по-плохому	18
Глава 7. Позволь мне	21
Глава 8. Играть	24
Глава 9. Утро	26
Глава 10. Имя	28
Глава 11. Не подведу	30
Глава 12. Жесткие меры	32
Глава 13. Девушки	34
Глава 14. Воскресенье	36
Глава 15. Сильнее, чем тебя	38
Глава 16. Скандал	40
Глава 17. Ревность	42
Глава 18. Хмурое утро	44
Глава 19. Вот так просто	47
Глава 20. Девятнадцатый век	50
Глава 21. Нужные люди	53
Глава 22. Молодые и перспективные	56
Глава 23. Романтик	58
Глава 24. Завтрак мечты	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Глава 1. Абсолютно счастлива

«Возможно, через несколько лет, когда мы станем другими людьми, мы будем созданы друг для друга».

На несколько секунд задерживаюсь на этой ванильной фразе, выскочившей мне в ленте в социальной сети. Ее запостила моя давняя приятельница. Видимо, страдает по своему бывшему.

Какая глупая наивность — верить, что взрослый состоявшийся человек может измениться! Что такого, скажите мне, должно произойти, чтобы злой и жадный человек вдруг стал добрым и щедрым? Что должно произойти, чтобы завистливый человек начал радоваться чужому успеху?

Что должно произойти, чтобы мужчина, не умеющий любить, вдруг полюбил женщину?

Мне не много лет, но жизнь научила меня, что люди не меняются. Что мужчины — не меняются.

Я откладываю телефон в сторону и смотрю на спящего рядом со мной самого любимого мужчину на свете — моего трехлетнего сына. Не могу удержаться, начинаю целовать его румяные щечки. Оскар сначала недовольно морщит бровки, затем переворачивается на спину и потягивается. Открывает глазки, несколько раз хлопает ресничками, секунду смотрит на меня, а затем подскакивает на кровати и кричит:

— Дай синий трактор! Синий трактор!

На прикроватной тумбе выстроен в ряд наш дежурный набор: синий трактор, экскаватор, автобус и бульдозер. Без этих машин мы никуда. Оскар с ними спит, ест, купается и сидит на горшке.

Подаяю сыну синий трактор. Он ложится на живот и начинает катать его по кровати, неразборчиво припевая:

— По полям, по лесам синий трактор едет к нам... Сломалось колесо! — поднимает на меня лицо.

Я картинно хватаюсь за голову и громко восклицаю:

— Сломалось колесо!? Что же делать!?

— Чинить, чинить!

— Куда поедem чинить?

— В волшебный гараж к Максy.

— Давай к Максy в волшебный гараж!

Оскар подкатывает трактор ко мне:

— Привет, Макс.

Я перестраиваю интонацию голоса на мужскую:

— Привет, синий трактор! Что у тебя случилось?

— Сломалось колесо.

— Давай я починю его своей волшебной отверткой, — изображаю, как чиню колесо. — Готово, синий трактор! Можешь ехать.

— Пока, Макс, — машет мне рукой и уезжает.

Я обожаю проводить время со своим сыном. Сегодня в нашем распоряжении целый день. Жаль, таких дней бывает не много. Мне приходится совмещать материнство со съемками в кино, а до этого еще и с учебой. Но в этом году я окончила театральный, так что одной головной болью меньше.

Я та самая сильная и независимая мать-одиночка, которая тащит на себе все сама. Севастьян, мой бывший муж, никогда не видел нашего сына и не принимает никакого участия в его воспитании. Даже алименты не платит. Когда в день нашего развода я сказала Севастьяну о

беременности, он сначала настаивал на аборте, а затем попросту отказался признать ребенка. Поэтому Оскар носит мою фамилию, а в графе «отец» у него стоит прочерк.

Но я не жалею свою жизнь. Я снялась в трех хороших картинах, скоро начнутся съемки в четвертой. Слава и признание пришли ко мне быстро. А вместе с ними деньги. Так что мой сын растет в полном достатке.

Про Севастьяна мне известно только то, что он остается губернатором своей области. Случайно увидела кадры в новостях, как он встречался с президентом и докладывал об улучшении жизни жителей региона. Зарплаты стали выше, безработица меньше. Я не досмотрела до конца, переключила на другой канал. Я больше не испытываю к Севастьяну никаких чувств. В том числе любопытства. Мне безразлично, как он живет и что с ним.

Мы с Оскаром перемещаемся на кухню. Сонные, с взлохмаченными волосами и в пижамах, мы смотрим по телевизору «Карусель» и едим кашу с фруктами. Через час за нами заедет Илья, и мы поедем гулять в парк.

Илья Соколовский — известный российский актер, с которым я снималась в своем втором фильме. Мы играли мужа и жену. Экранная любовь переросла в симпатию в реальной жизни. Когда Илья пригласил меня на свидание, я сразу согласилась. Оскару было два года, и я наконец-то почувствовала в себе силы переступить через прошлое с Севастьяном и пойти дальше.

Отношения с Ильей стали глотком свежего воздуха. Постепенно меня стали отпускать пережитые ужасы, кошмары стали сниться реже. Черная ненависть, которую я испытывала к Севастьяну, отступила, сменившись безразличием. Жизнь наладилась. Я молодая востребованная актриса, я хорошо зарабатываю, у меня умный здоровый ребенок и прекрасный молодой человек. Чем не поводы для счастья? Так что я абсолютно-абсолютно счастлива.

Оскар играет в своей комнате, а я крашусь в ванной, когда звонит мобильный телефон. Это Илья. Поднимаю трубку:

— Аллю, привет.

— Элла, привет, я попал в пробку. Впереди ДТП. Опоздаю минут на пятнадцать.

Илья в той редкой категории пунктуальных актеров, которые сильно переживают, если опаздывают на съемки. И не только на съемки. Мне очень нравится в нем эта черта. Отечественным актерам не хватает пунктуальности.

— Ничего страшного, Оскар увлекся в детской тракторами и экскаваторами. Все равно придется ждать, когда наиграется.

— Хорошо, — облегченно выдыхает. — Скоро буду. Не терпится тебя увидеть.

— И мне тебя.

Нашим отношениям уже год, но мы не живем вместе. Недавно Илья стал поднимать этот вопрос, но я не хочу спешить. В первую очередь из-за Оскара. Они с Ильей отлично ладят на прогулках и в кафе, однако жить вместе как семья — это совсем другое. Вдруг Оскар так полюбит Илью, что начнет называть его папой, а потом по какой-то причине мы с Ильей расстанемся? Я боюсь подвергать ребенка такому стрессу. Оскар уже пережил один, когда я сказала ему, что у него нет папы.

Просто Оскар так внезапно спросил: «А где мой папа?». Я растерялась и не придумала ничего лучше, чем ответить правду: «У тебя его нет. Он тебя бросил». Глаза Оскара за секунду наполнились слезами и последовал громкий плач. Я до сих пор переживаю, что не сочинила тогда какую-нибудь легенду, мол, папа улетел на Луну или что-то в этом роде.

Звонок в дверь. Бью пальцем по экрану мобильного. Илья зря переживал, получилось приехать вовремя. Так что еще придется ждать, когда Оскар наиграется машинками. Бросаю на себя последний взгляд в зеркало. Макияж, пусть и не профессиональный, выглядит хорошо. Волосы уложены аккуратными волнами. Любимая блузка Ильи открывает мою грудную клетку

и ключицы. Джинсы подчеркивают фигуру. У нас запланирована прогулка по парку, чтобы насладиться последними деньками бабьего лета.

Брызгаю на шею духами, когда раздается повторный звонок в квартиру.

Я тороплюсь открыть Илье, поэтому не смотрю в глазок. А когда распахиваю дверь, от неожиданности замираю на месте и врастаю ногами в пол.

— Привет, Элла.

За дверью стоит... Несколько раз хлопаю ресницами, вдруг привиделось. Нет, не привиделось. Это Севастьян. Я в таком шоке, что ни звука вымолвить не могу. Просто стою на одной точке и разглядываю его во все глаза, как привидение. Мне кажется, или Севастьян действительно стал выглядеть еще лучше, чем четыре года назад? Как будто наш развод пошел ему на пользу.

— Извини, что без предупреждения. Я могу войти?

Вопрос бывшего мужа приводит меня в чувство. Я мигом отмираю.

— Зачем ты приехал, Севастьян?

— Я приехал увидеть своего сына.

Что? В голове клубится миллион вопросов. Первый из них — откуда ты знаешь, что я родила именно сына? Но я задаю другой:

— Как ты узнал, где я живу?

— Это было не сложно. Такпустишь меня поговорить?

В груди вспыхивает злость, и я начинаю сыпать обвинениями:

— Сначала ты принуждал меня сделать аборт, а когда я отказалась, ты не признал ребенка и три года не интересовался его жизнью. А сейчас вдруг захотел увидеть?

— Обстоятельства изменились, Элла. Теперь я хочу воспитывать своего сына, — жестко чеканит. — Нравится тебе это или нет.

— Убирайся вон! — цежу сквозь плотно сжатые зубы. — А если ты еще хоть раз приблизишься к моей квартире, я позвоню в полицию и...

У меня не получается договорить. Из коридора доносится топот детских ножек. Оскар выбегает в прихожую.

— Мама, а с кем ты разговариваешь?

Я не успеваю среагировать. Севастьян отталкивает меня рукой в сторону, делает уверенный шаг в квартиру и впервые видит нашего сына, так похожего на него.

Глава 2. Каламбур

Немая сцена.

Севастьян, замерев, неотрывно смотрит на Оскара. Кажется, даже не дышит. Оскар, неуверенно сжимая в руке бульдозер, растерянно глядит на Севастьяна. Затем сын переводит взгляд на меня. Указав на Севу пальцем, говорит:

— Чужой дядя.

— Да, это чужой дядя, — заявляю резко. — И он уже уходит.

Но Севастьян никуда уходить не собирается. Он словно прирос к одной точке. Не сводит с Оскара глаз. Не моргает.

Мне становится страшно. Вдруг Сева скажет Оскару что-то лишнее? Вдруг заявит в лоб: «Я твой папа». Помня истерику Оскара после того, как я сказала, что папы у него нет, я побаиваюсь реакции сына на противоположную информацию. К тому же не так давно Илья предложил мне, чтобы Оскар называл его «папа Илья». Я пока отказалась, но предложение мне понравилось. Оно говорит о серьезности намерений моего молодого человека.

Поэтому мне совсем не нужно, чтобы Севастьян торчал в моей квартире рядом с МОИМ ребенком. Да, моим. Потому что Терлецкий отказался признать его своим. В графе «отец» стоит прочерк.

— У тебя есть биби? — с любопытством спрашивает Оскар.

Я мысленно про себя ругаюсь. Оскар очень контактный и социальный мальчик, он не боится чужих людей, в том числе взрослых. И так как Оскар — настоящий мужчина, он у каждого встречного требует машинку.

Севастьян, словно придя в себя, опускается перед ребенком на корточки.

— Ты любишь машинки, Оскар? — ласково спрашивает. — Я куплю тебе много-много машинок. Вернее, уже купил. Их целая комната. Надеюсь, скоро я смогу тебе показать.

По позвоночнику пробегает неприятный холодок. Он же шутит?

— Много биби!? — в глазах сына тут же загорается радость.

— Да, — кивает.

Мне не нравится все, что я слышу. И вообще, откуда Севастьян знает имя нашего ребенка? И что я родила именно мальчика? Я ему не сообщала. И я хорошо охраняю свою жизнь от светских журналистов, так что Сева не мог узнать имя из СМИ.

Каламбур под названием «Возвращение блудного папы» мне порядком надоел. Я встаю между Оскаром и Севастьяном, закрывая ребенка от бывшего мужа.

— Севастьян, уходи, пожалуйста. Ты не можешь вот так брать и вламываться к нам спустя столько лет. Ты абсолютно чужой и посторонний человек, я имею полное право вызвать полицию. Подумай о своей репутации среди избирателей.

Бывший муж поднимается на ноги. В его глазах все еще светится доброта, с которой он смотрел на Оскара. Непривычно видеть в Севастьяне нежные чувства.

— Извини за визит без предупреждения. Но нам нужно серьезно поговорить, Элла. Я теперь хочу участвовать в жизни Оскара. Ты свободна сейчас для разговора?

Он окидывает меня взглядом. Я одета как девушка, которая с минуты на минуту отправится на свидание. Это не остается незамеченным для цепкого взора Терлецкого. Доброта на его лице сменяется холодностью. Из Севы никудышный актер. Все его мысли и чувства написаны у него на лбу.

— Нет, я не свободна сейчас. Уходи немедленно.

Еще не хватало, чтобы Илья увидел Севастьяна!

Только я об этом подумала, как двери лифта открываются и на лестничной площадке появляется Илья. Каламбур «Возвращение блудного папы» происходит с открытой дверью в квартиру на радость всем любопытным соседям.

— Всем привет, — Илья недоуменно разглядывает Севастьяна. В одной руке у него букет для меня, во второй коробка с машинкой для Оскара.

— Привет, Илья! Проходи. У нас тут неожиданный гость, но он уже уходит.

Оскар, завидев машинку, наконец-то переключает интерес с Севы на Илью. Мой молодой человек проходит в квартиру, вручает мне цветы, а Оскару игрушку и все еще с подозрением поглядывает на Севастьяна.

Мой бывший муж не протягивает Илье руку для рукопожатия. Илья тоже этого не делает. Странность ситуации зашкаливает. Каламбур отнюдь не смешной. Пожалуй, это не каламбур, а трагедия. Мы все молчим, и только Оскар радостно скачет с новой машиной в ладонях.

— Я свяжусь с тобой в скором времени, Элла, — Севастьян первым прерывает неловкий момент. — Всего доброго.

Напоследок Терлецкий опускается перед Оскаром на корточки, взлохмачивает ему волосы и к моему ужасу обещает скоро вернуться с новыми машинками. К счастью, лифт стоит на этаже, и Севастьян уезжает быстро.

— Кто это? — спрашивает Илья с невеселым видом.

— Давай я объясню тебе все на прогулке?

Илья, поняв, что дело серьезное, молча кивает. Я ставлю цветы в вазу, мы берем велобег Оскара, уличную сумку с игрушками и выходим из квартиры. Я бы предпочла выждать минут десять, чтобы Севастьян точно уехал, но не решаюсь просить об этом. Впрочем, когда мы спускаемся во двор, ни Севастьяна, ни его машины не видно. Хотя за четыре года он мог поменять автомобиль. Мы садимся в джип Ильи и едем в парк Горького.

В машине ничего не обсуждаем. Илья догадался, что я не хочу поднимать тему при Оскаре. Сын уже достаточно много понимает, и надо фильтровать, о чем говорить в его присутствии. Я сижу на заднем сиденье с ребенком, периодически подавая ему из сумки игрушки. В парке Оскар садится на велобег и отрывается от нас на несколько метров вперед.

— Это был мой бывший муж, — говорю, уверенная, что Оскар нас не слышит.

— Я примерно так и подумал. Что он хотел?

— Потребовал общения с Оскаром.

— А ты что?

— Я не знаю, Илья. Мне надо подумать. Но первый порыв — послать его куда подальше.

— Я за то, чтобы ты послала его.

Возникает пауза. Между нами ощущается напряжение и неловкость. И я ненавижу Севастьяна за это. Он испоганил мне свидание. Илья сейчас снимается в многосерийном фильме. У него первый выходной за три недели. Мы хотели провести этот день полностью вместе и с хорошим настроением. Но Севастьян все испортил.

Беру Илью за руку и сжимаю.

— Я не знала, что он собирается приехать. Раздался звонок в дверь, я подумала, что это ты, поэтому открыла, не посмотрев в глазок. А это оказался он.

— Разве твой бывший знал, где ты живешь?

— Нет! Вернее, я так думала. А оказалось, он знает мой адрес, знает, что я родила мальчика, знает, как его зовут... Он даже знал, что я буду в этот день и в это время в квартире!

— Он следил за тобой?

От вопроса Ильи меня словно током бьет.

— Не знаю... Нет... Зачем ему?

Илья пожимает плечами.

— Ну как-то же он узнал подробности твоей жизни.

Несмотря на теплую погоду, меня бросает в холод. Я ёжусь. И непроизвольно оглядываюсь по сторонам. За мной следят? Где-то тут ходят люди Севастьяна?

Илья обнимает меня за талию.

— Если еще раз появится, я поговорю с ним.

— Нет, пожалуйста, не надо, — испуганно прошу.

— Почему?

Потому что он бандит и может тебя убить. Но вслух говорю другое:

— Я не хочу вмешивать тебя в свои проблемы.

— Элла, твои проблемы — это тоже мои проблемы.

Грустно улыбнувшись, целую Илью в щеку.

Он не знает всей правды о моем прошлом. Я сказала ему, что была замужем за губернатором области, наш брак продлился год, мы развелись, и бывший муж не захотел общаться с ребенком. Илья не знает о том, что это был фиктивный брак, для которого меня наняли как актрису. Также Илья не знает, что этот губернатор в действительности самый что ни на есть бандит с кровью на руках. Илья не знает, что меня похищали враги этого бандита. Илья не знает, что во время похищения меня изнасиловали.

Илья Соколовский — сын известных актеров. Его отец заслуженный артист России. С самого детства Илья крутится в богемных кругах и даже представления не имеет, что существует другая жизнь — не по закону, а по понятиям.

Я тоже не знала такой жизни, пока не повстречала Севастьяна Терлецкого.

Глава 3. Обычный день

Как мы с Ильей ни стараемся делать вид, будто все хорошо, а не получается у нас нормального свидания. Я сильно выбита из колеи появлением Севастьяна. А Илья попеременно то злится, то закрывается в себе. В итоге получается та самая неловкая ситуация, когда все натянуто веселые, но в то же время всем ясно, что веселье ненастоящее. И только Оскар не замечает смятения. Сначала носится по парку на велобеге, затем с удовольствием ест в ресторане и засыпает в детском кресле по дороге домой.

Я осторожно забираю сына из кресла и максимально аккуратно поднимаю в квартиру. Уложив его в кроватку, выхожу на кухню к Илье. Сажусь к нему на колени и обнимаю за шею.

— Я не хотела, чтобы наше свидание было испорчено.

— Оно не испорчено.

— Испорчено.

— У нас еще полдня впереди. И вся ночь.

— А утром ты уедешь на съемки, и мы не увидимся следующие три недели, — констатирую с грустью.

— Скоро съемки закончатся.

— И тогда начнутся съемки у меня.

Мы молчим секунду, а затем вместе громко смеемся. Обстановка медленно разряжается.

Так мы и живем — пара актеров. На самом деле за год отношений мы провели вместе не так много времени, потому что то Илья где-то снимается, то я. У нас не совпадают графики съемок. Возможно, совместное проживание частично бы решило проблему, но пока это слишком серьезный для меня шаг. Мои грядущие съемки продлятся недолго. У меня небольшая второстепенная роль. Я согласилась на нее только потому, что фильм снимает режиссер, которого я считаю одним из лучших в нашей стране. Поработать с ним — это мечта.

Остаток дня после пробуждения Оскара проходит чуть лучше. Мы едем в детский парк развлечений. Оскар там так выматывается, что засыпает полдесятого вечера, чего не бывает почти никогда. Обычно мне еле-еле удается уложить сына в одиннадцать.

Когда я закрываю дверь в детскую, наступает наше с Ильей время. Ему завтра очень рано вставать и ехать на съемочную площадку, но мы все равно не спим полночи. В шесть утра Илья уезжает, и я больше не смыкаю глаз. В мои мысли снова пробирается Севастьян.

Я не хочу его в своей жизни. Севастьян будет напоминать мне обо всем плохом, что я пережила. А я только выкарабкалась из этой ямы. Когда Сева отказался признать Оскара, я, само собой, впала в уныние и почувствовала себя еще более растоптанной. Но сейчас понимаю: это пошло мне на пользу. Я не видела бывшего фиктивного мужа, и мои раны постепенно заросли. Любимый сын, любимая работа и новый молодой человек помогли мне в этом.

А что же теперь? Севастьян то и дело будет возникать в моей жизни: звонить, приезжать. И я от каждой встречи с ним буду терять равновесие минимум на полдня, как вчера? Я такого не хочу. К тому же Илья не в восторге от внезапного появления моего бывшего мужа. Еще не хватало, чтобы Терлецкий испортил мое личное счастье. Он и так достаточно испоганил мне жизнь.

В восемь утра я поднимаю Оскара и везу в детский сад. Я отдала сына в частный садик с английским языком. Это одно из немногих дошкольных учреждений, способных обеспечить тот уровень конфиденциальности, который мне нужен. Я не люблю видеть себя в желтых газетах. И не хочу, чтобы там присутствовал мой сын.

А с внезапным появлением Севастьяна я лишний раз убеждаюсь в правильности своего решения отдать Оскара в закрытый частный сад с отличной охраной. Еще не хватало, чтобы Терлецкий выкрал у меня ребенка. Для обычного человека это дикость, а для бандита норма.

Прощание с Оскаром занимает десять минут. Он плачет и не хочет меня отпускать. У нас была очень тяжелая адаптация к саду, и до сих пор каждое утро Оскар бросается в слезы. Когда воспитателям наконец-то удастся отвлечь ребенка, я незаметно выскальзываю из группы.

Теперь меня ждет мой обычный день. Сначала двухчасовая тренировка в спортзале, после нее второй завтрак, затем посещение косметолога, а после него обед с моим агентом. Полчетвертого, сразу после дневного сна Оскара, я заберу его из садика и повезу домой. До семи часов я пробуду дома с сыном. Мы будем играть, читать книжки, рисовать.

В семь придет няня, а я начну собираться на празднование помолвки дочки влиятельного продюсера. На этой вечеринке соберутся все важные люди отечественной киноиндустрии, и я должна там быть, если не хочу остаться без ролей. Постоянно напоминать о себе продюсерам и режиссерам — это важная часть моей работы. Где-то в час ночи я вернусь домой, отпущу няню и лягу спать, крепко обняв Оскара. Следующие дни до выходных будут плюс-минус такими же.

Но зато субботу и воскресенье я проведу полностью с Оскаром: без спортзала, без деловых встреч и без светских мероприятий. Только я и мой сын. Обожаю наши выходные вместе.

По дороге в фитнес-клуб я фоном слушаю радио, погрузившись в свои мысли. Агент прислал мне несколько сценариев. В целом, неплохие, но... вряд ли эти фильмы зрители запомнят надолго. Сегодня на обеде мы будем обсуждать какой-то новый проект. По телефону агент толком ничего не рассказал кроме того, что это якобы будет картина десятилетия. По крайней мере у продюсеров есть такая претензия.

Из мыслей о работе меня вырывает выпуск новостей по радио. Диктор вещает:

«Сегодня президент отправил в отставку министра транспорта. На эту должность назначен Севастьян Терлецкий. Ранее он занимал пост губернатора...».

Что??

Глава 4. Роль

Я пытаюсь понять, что означает для меня назначение Севастьяна на новую должность. Кроме того, что Терлецкий переедет жить в Москву и будет слишком близко ко мне и Оскару, на ум больше ничего не приходит.

Министерство транспорта Российской Федерации в Москве ведь находится? Ну тогда точно Севастьян сюда переедет. Вряд ли он захочет тратить три-четыре часа на дорогу в одну сторону.

Бывший муж уходит из моей головы, только когда я захожу в ресторан, чтобы пообедать со своим агентом и обсудить дела. Меня представляет Ян Шапошников, один из самых старых и надежных киноагентов в России. Помимо меня он работает еще с десятком популярных актрис. Всем нам приходится бороться за его внимание. Если у продюсеров нет конкретной желаемой кандидатуры для роли, и они просто просят Яна «подобрать кого-нибудь подходящего», каждая из нас хочет, чтобы Ян в первую очередь предложил сценарий ей. Поэтому с Яном нельзя спорить, нельзя дерзить и нельзя качать права.

— Привет, Ян, — сажусь на стул напротив него. — Давно ждешь?

Он листает меня. Думаю, только пришел.

— Нет, несколько минут. Прекрасно выглядишь, Элла.

Я благодарно улыбаюсь и тоже беру меню у официанта. Мы делаем заказ и только после этого приступаем к обсуждению дел.

— Короче, Элла, готовится новый фильм, — Ян понижает голос до интригующего шепота. — Это будет пушка-бомба. Я видел сценарий, там просто на разрыв аорты. Это не тупая жвачка, которую зрители забудут сразу, как только выйдут из кинотеатра. Это будет фильм уровня... — Ян замолкает, подбирая слова. — Уровня «Титаника». Понимаешь?

Есть у Яна одна черта, которая меня ужасно раздражает. Это преувеличение. Он может раздуть из мухи слона.

Агент внимательно на меня смотрит, ожидая моей реакции. Я даю ему ту реакцию, которую он хочет увидеть.

— Да ладно!? — округляю глаза. — Я хочу знать все подробности! Они зовут на главную роль меня, да?

— Они пока никого не зовут. У них есть лонг-лист из двадцати актрис. Ты в их числе. Будут пробы. Много проб. Вас будут рассматривать под микроскопом. В том числе важна ваша репутация. Они не хотят актеров, замешанных в скандалах. Это очень серьезный проект с претензией на участие в международных кинофестивалях. Репутация должна быть безупречной.

Это одна из причин, почему я тщательно охраняю свою частную жизнь от папарацци. В последние годы киностудии стали обращать внимание на репутацию актеров. Громкие скандалы, разводы, фотографии с голыми сиськами, аккаунты на онлифанс — все это может отвернуть продюсеров. Речь, конечно, про серьезные картины. В туалетные комедии возьмут.

— Так а что за фильм? Ремейк «Титаника»?

— Нет, это я просто так выразился, чтобы ты понимала масштаб проекта. Сюжет про мать-одиночку, страдающую шизофренией. Бывший муж хочет отобрать у нее ребенка, апеллируя тем, что с таким заболеванием она не может его воспитывать. Героиня, несмотря на диагноз, борется за право проживания с ребенком. При этом ее болезнь прогрессирует. В какой-то момент она перестанет понимать, где галлюцинация, а где реальность. Половина фильма — это ее галлюцинации. Элла, ты хоть понимаешь, насколько это бомбическая роль!? Да если бы мы были в Америке, за нее бы Оскар дали!

Последние слова Ян произносит так громко, что на нас оборачиваются посетители за соседними столиками. Официант приносит наш заказ. Пока ставит перед нами тарелки, я думаю.

Если отбросить экспрессию Яна, то он прав. Исполнить роль сумасшедшей — очень сложно. Тем более если галлюцинации не просто упоминаются по ходу повествования, а занимают половину фильма. То есть, эти галлюцинации предстоит сыграть. Актрисе придется вжиться в роль шизофренички. Непростая задача. Это вам не в туалетной комедии сыграть, где шутки уровня жопы и трусов.

— Они с этим фильмом хотят в Канн или в Венецию, — Ян снова понижает голос. — А если звезды сойдутся, то будет и номинация на Оскар за лучший фильм на иностранном языке. Элла, ты понимаешь, что этот фильм может открыть перед тобой дорогу на Запад?

Вот чего я не люблю — так это мечтать о Западе. Поэтому довольно резко обрываю Яна:

— Кого мне играть на Западе? Русских шпионок? Или русских проституток?

— Да хоть кого!

— Вот уж вершина успеха — сыграть в Голливуде русскую проститутку, — хмыкаю.

— Смотря у кого сыграть. Если у Тарантино, то чем не успех?

С Яном можно спорить об этом вечно. Порой мне кажется, у него есть несбывшаяся мечта о Голливуде. Я возвращаюсь обратно к фильму.

— Ты сказал, я в лонг-листе.

— Да, пять моих девочек, включая тебя, попали в лонг-лист. Всего вас там двадцать.

Большая конкуренция. Чтобы не выдать Яну своего расстройств, отправляю в рот кусочек теплой говядины из салата. Интересно, кто еще из актрис Яна в лонг-листе. Но он не скажет. У него среди нас есть любимицы. Я пока не поняла, нахожусь ли я в их числе. Вроде сценарии предлагает мне неплохие. Но с другой стороны, Елене Гусевой достаются сценарии лучше. И Вере Потаповой тоже.

— Хорошо, мне интересно. Что дальше?

— Я пришлю тебе сценарий, ознакомься. Когда вызовут на пробы, сообщу.

Киваю. Мы еще час говорим об этом фильме. О киностудии, которая снимает, о режиссере, сценаристе, продюсерах. Это правда будет серьезная картина с прицелом на Запад. Но я запрещаю себе мечтать, что роль достанется мне.

Глава 5. Галлюцинации

Вечеринка в честь помолвки дочки известного продюсера проходит в ресторане в центре. Заведение закрыто под мероприятие, вход только по приглашениям. Я приезжаю ровно к началу, хотя на такого рода вечеринки принято опаздывать. Но мне нужно как можно быстрее пообщаться со всеми полезными людьми и поехать домой. Няня просила отпустить ее не позднее часа ночи.

Я появляюсь первой, когда в ресторане еще нет никого, кроме виновников торжества.

— Элла Меркулова! — приветствует меня продюсер Игорь Петрович. — Как обычно, самая пунктуальная и дисциплинированная. Очень рад, что у нас еще остались такие актрисы.

Звучит как комплимент.

Я поздравляю Игоря Петровича, его дочку и жениха с помолвкой. Вручаю жениху и невесте подарок. Мы перекидываемся несколькими фразами и шутками, выпиваем по бокальчику. Они — шампанского, я — апельсинового сока.

Я продолжаю придерживаться своего железного правила — не пить на работе. Порой мне кажется, я единственная актриса, которая соблюдает такое правило. Остальные актеры не гнушаются опрокидывать в себя бокалы чего покрепче. Особенно зажавшиеся могут выйти под градусом на съемочную площадку.

Я общаюсь с продюсером как ни в чем не бывало. Он со мной тоже. Но сейчас я смотрю на него иначе, чем смотрела бы еще вчера. Ведь он будет продюсировать фильм про сумасшедшую мать-одиночку. И, вероятно, он включил меня в лонг-лист претенденток на главную роль. Меня распирает эмоциями, я хочу поговорить с ним о фильме, но раз он сам не начинает, то мне нельзя лезть на рожон. Хотя я чувствую: он тоже смотрит на меня иначе. Оценивающе. Или мне мерещится?

Кажется, у меня самой уже начались галлюцинации.

Зал постепенно наполняется гостями. Музыка и смех становятся громче. Я знаю здесь почти каждого. Но друзей среди присутствующих у меня нет. Киноиндустрия слишком конкурентная среда, чтобы можно было найти настоящих друзей до гроба. Я общаюсь, с кем мне надо, периодически поглядывая то на продюсера, то на вход.

Появляется мама Ильи. Она известная актриса. Я мечусь между желанием спрятаться и желанием подойти поздороваться. У меня с ней такие отношения, когда оба человека понимают, что не очень друг другу нравятся, но слишком воспитанные, чтобы говорить об этом вслух.

Ирина Александровна не в восторге от выбора своего сына, в частности, что он выбрал разведенную девушку с ребенком. Мне, конечно же, ничего по этому поводу не говорили, а сам Илья категорически отрицает, что я не нравлюсь его семье, но я-то чувствую фальшь в их лучезарных улыбках.

Мама Ильи замечает меня первой. Слегка удивленно приподнимает аккуратно выщипанные брови. Я растягиваю губы в самой сладкой улыбке, какой могу, и подхожу к ней.

— Здравствуйте, Ирина Александровна! Как приятно вас видеть, — я тянусь слегка обнять ее.

Вокруг Ирины Александровны облако ее несменного парфюма — «Шанель №5». Она покупает туалетную воду только во Франции. В свои пятьдесят с небольшим мама Ильи выглядит на сорок. У нее модное шоколадное каре, свои пухлые губы, большие голубые глаза и идеально красивое лицо без единой морщинки.

— Взаимно, Эллочка, прелестно выглядишь. — Бегло проходится по моему коктейльному платью и прическе.

Но глаза ее не радуются от встречи со мной. Мы перекидываемся парой ничего не значащих фраз. Чувствуется, что между нами сквозит холодность. И это такой контраст по сравнению с тем, как ко мне относилась мама Севастьяна. Я часто вспоминаю ее с того момента, как Илья познакомил меня со своими родителями. Свекровь относилась ко мне не хуже, чем к родной дочке. Возможно, потому что в браке с Севастьяном у меня не было детей от других мужчин. Но все же мне кажется, моя бывшая свекровь была более доброй, чуткой и человеческой. Она приняла бы меня даже с детьми от других браков. А самое главное — мама Севастьяна была простой женщиной.

Чего не скажешь об Ирине Александровне. Она коренная москвичка в каком-то там поколении, ее отец был министром. Ирина Александровна с детства живет в одной квартире — пятикомнатной на Кутузовском проспекте. Она никогда не знала, что такое дефицит продуктов и вещей, поскольку в их семье всегда было всего в достатке.

Иногда я пытаюсь поставить себя на место Ирины Александровны и представить, что мой сын через двадцать-тридцать лет полюбит девушку с ребенком от другого брака. Как я к этому отнесусь? Мне кажется, это не будет для меня причиной плохо относиться к избраннице Оскара. Или я так говорю, потому что сама являюсь девушкой с ребенком, а значит, мое суждение необъективно?

Короче, я решила не терзаться переживаниями по поводу мамы Ильи. Какая разница, как она ко мне относится? Главное, Илья меня любит.

— Приятного тебе вечера, Элла, — Ирина Александровна натягивает улыбку, словно на съемочной площадке. Она не спросила ни как мои дела, ни что у меня нового. Само собой, не поинтересовалась жизнью Оскара. — Пойду поздороваюсь со своим другом.

Друг — это Игорь Петрович. А ведь они действительно давние друзья. Ирина Александровна снялась во многих его картинах. И она может замолвить за меня словечко. Как хорошее, так и плохое.

Мне становится немного страшно. А если она наговорит обо мне что-нибудь Игорю Петровичу?

Отгоняю эту мысль подальше. Нет, Ирина Александровна слишком голубых кровей, чтобы опуститься до такой низости.

В ресторан входит та, кого я жду. Елена Гусева. У нас с ней один агент, и, думаю, Ян благоволит ей больше, чем мне. Гусева замечает меня, сухо кивает и отворачивается. Я наблюдаю за ней со стороны. Она известнее и популярнее меня, у нее больше поклонников и больше хороших ролей за плечами. Я на данный момент снялась всего в трех картинах, а она, наверное, в тринадцати. Хотя мы ровесницы. Конечно, в отличие от меня Гусева поступила в театральный в 18 лет и с первой попытки. Она не теряла пять лет, как я. А несколько лет назад Лена сыграла в Голливуде русскую шпионку. Это была короткая эпизодическая роль, и после нее ей не предложили других. Но Голливуд же. У нас все на него слюни пускают.

Плавной грациозной походкой, перекидывая длинные светлые волосы с плеча на плечо, Гусева направляется к Игорю Петровичу и маме Ильи. И с продюсером, и с Ириной Александровной она целуется в щеки. Между ними сразу завязывается оживленный разговор, они громко смеются. Гусева с ними, как в своей тарелке. Затем продюсера кто-то отвлекает, а Ирина Александровна и Лена отходят на шаг в сторону. Как будто посекретничать. Я наблюдаю со стороны, как они мило воркуют, словно две голубки, и чувствую привкус горечи. Со мной Ирина Александровна никогда так не любезничала. А затем мама Ильи берет Лену за руки, и я так и читаю по ее губам: «Буду держать за тебя кулачки!».

Или у меня снова галлюцинации?

Господи...

Очень вовремя, пока мои галлюцинации не разыгрались, в клатче начинает вибрировать телефон. Сейчас двенадцать ночи, наверное, Илья вернулся домой со съемок и звонит мне перед сном. Но на экране мобильного незнакомый номер. Хм.

— Алло, — говорю громко в трубку.

Наверняка мой голос перекрывают шум ресторана и музыка, поэтому не уверена, что меня слышат на том конце провода.

— Привет, Элла. Извини, что так поздно. Но ты, я так понимаю, еще не спишь.

У меня чуть телефон из руки не выпадает. Голос этого мужчины я узнаю из тысячи.

Севастьян.

— Чего тебе?

Он специально решил позвонить мне с незнакомого номера, опасаясь, что на вызов от него я не отвечу? Номер телефона бывшего мужа у меня до сих пор сохранен в айфоне. Я не удаляла его.

— Я хотел поговорить с тобой о своем общении с Оскаром. Где ты сейчас находишься? Давай я за тобой приеду?

Еще чего! Не хватало, чтобы мама Ильи увидела, как я сажусь в машину к какому-то левому мужику. Это будет катастрофа. Тогда она точно скажет про меня продюсеру то, что не следует. И Илье.

— Не надо куда за мной приезжать и говорить нам не о чем. Оставь нас в покое, Севастьян. Оскар прекрасно живет без тебя три года и еще тридцать три проживет. Я сказала сыну, что у него нет папы, и он нормально это принял.

Тут я, конечно, нагло лгу. У Оскара была истерика.

— Элла, пожалуйста, давай просто поговорим.

Я бросаю трубку.

Глава 6. По-хорошему или по-плохому

После разговора с Севастьяном я сажусь за руль своей машины и пару минут задумчиво гляжу перед собой в лобовое, нервно барабанив пальцами по рулю. У меня так много поводов для беспокойства, что не знаю, о каком беспокоиться в первую очередь. О внезапном появлении Севастьяна? Или о новой роли? Или о том, что мама Ильи меня на дух не переносит, но зато очень дружна с моей соперницей?

Забиваю в навигатор свой адрес, ставлю телефон на подставку и трогаюсь с места. Через пару километров пути мне звонит Илья.

— Алло, — принимаю вызов по громкой связи.

— Привет, — голос Ильи очень слабый и сонный, что говорит о его сильной усталости.

— Я еле дополз до кровати, у меня слипаются глаза.

Улыбаюсь.

— Ну так спал бы.

— Нет, я сначала хотел услышать твой голос. Где ты?

— Еду с помолвки. Я тебе рассказывала.

— А, точно. Как все прошло? Кого видела?

— Видела твою маму.

Мои слова не производят на Илью никакого впечатления. Он зевает.

— Что она говорила?

— Мы с ней только поздоровались.

— Еще что интересного было?

У Ильи натурально заплетается язык, и мне становится ужасно его жаль. Я прекрасно понимаю, каково это — приползти домой со съемок за полночь и без сил рухнуть на кровать, зная, что завтра снова подъем в шесть утра.

— Илья, давай ты будешь спать? Позвонишь мне завтра во время перерыва.

— Нет, я хочу немного поговорить с тобой. Эл, я скучаю. — Последнюю фразу Илья произносит с таким чувством, что у меня кожа мурашками покрывается.

Раз уж Илья не собирается спать, решаю задать интересующие вопросы.

— Слушай, а твоя мама дружит с Гусевой?

— С Леной?

— Да.

— Ну вроде да. А что?

— Они долго разговаривали на вечеринке. Я удивилась. Не знала, что они знакомы.

— Они же в одном театре играют.

Ах да, точно. Мама Ильи актриса не только кино, но и театра. Гусева тоже задействована в нескольких театральных постановках. Это еще одно ее преимущество передо мной.

— Как твои съемки? — решаю перевести тему. А то я даже не поинтересовалась у Ильи, как его дела.

— Сегодня одну сцену пятнадцать раз снимали. Я охренел.

Я преисполняюсь сочувствием к Илье. Быть актером — это не только деньги и слава. Это еще и непомерный труд.

— Вы не выбиваетесь из графика съемок?

— Пока вроде нет, — Илья снова зевает. — Ладно, я услышал твой голос. Теперь можно и уснуть.

Я снова улыбаюсь.

— Я тоже скучаю, Илья.

— Целую тебя.

— И я тебя.

Разговор заканчивается за километр до моего дома. На часах без десяти час. Я слегка прибавляю газу, чтобы побыстрее добраться. Во дворе дома мне везет, свободно место прямо возле подъезда. Паркую машину, беру сумочку и выхожу из салона.

— Элла! — звучит мне в спину, когда делаю несколько шагов по направлению к подъезду.

Резко торможу. Голос Севастьяна словно пригвоздил меня к месту. Он выходит из тени и останавливается в метре от меня в свете яркого фонаря. Одет в джинсы, джемпер и кроссовки. Несмотря на прохладную сентябрьскую ночь, на Севе нет куртки. Это говорит о том, что он приехал на машине, и она стоит где-то тут рядом.

— Ты преследуешь меня? Знаешь, это тянет на заявление в полицию за стalkerство.

Я хоть и ужасно зла на Севу, а не могу не рассматривать его внимательно, ища перемены. А он еще ровно под фонарем стоит, так что заметен каждый миллиметр кожи.

Что ж, нельзя не отметить, что бывший муж выглядит... хорошо. Очень хорошо. Так же хорошо, как пять лет назад, когда мы познакомились. Тогда Севастьяну было тридцать шесть, значит, сейчас сорок один. А выглядит все на те же тридцать шесть. Как будто время невластно над ним.

Чёрные волосы почти не тронуты сединой. Только совсем чуть-чуть на висках. Морщин на лице нет. Разве что мелкие мимические вокруг глаз. А фигура как будто бы стала сильнее и спортивнее.

— Когда я звонил, у тебя было шумно, как в ресторане. Я решил приехать к твоему дому и подождать, когда ты вернешься. Поговорим?

Как же я устала. Мои плечи опускаются, из груди вырывается тяжелый вздох. Ну вот о чем нам говорить? Мы все друг другу сказали четыре года назад, когда Севастьян заявил, что не признает ребенка своим. Я тогда послала Севу на хрен, а он пожелал мне счастья. По-моему, очень ёмкий получился разговор. Добавить больше нечего.

— Я не хочу с тобой разговаривать.

— Это неизбежно, Элла, — говорит тихо, но твердо. — Отныне я намерен участвовать в жизни Оскара. И ради ребенка лучше нам договориться по-хорошему.

О, а вот и угрозы пошли. Кто бы сомневался. Бандит Севастьян Терлецкий, гордо именуемый сначала бизнесменом, затем губернатором, а теперь министром транспорта РФ останется верен себе и своим методам работы. Что дальше, если я откажусь от разговора? Севастьян похитит у меня сына?

Шутки шутками, а от этой мысли мне становится не по себе. Я как никто другой знаю, что в мире Севастьяна похищение людей — это нормально.

— Мне нужно отпустить няню до часа ночи. А сейчас уже, — достаю из сумочки телефон и включаю экран: — Без пяти час. А оставить Оскара одного в квартире, чтобы поговорить с тобой, сам понимаешь, я не могу. Так что давай в другой раз?

— Ты могла бы пригласить меня подняться.

— Могла бы, но не хочу.

— Элла, мы можем договориться по-хорошему. А можем по-плохому. Как именно мы будем договариваться — выбирать тебе. Скажу только, что я не намерен бегать за тобой слишком долго. У моего терпения есть предел.

От тихого спокойного голоса Севастьяна у меня кровь в жилах стынет. Сглатываю. Страх ползет под кожей и окутывает внутренности. Кажется, за прошедшие четыре года Севастьян стал еще опаснее.

Бах. Бах. Бах.

Голова насильника разлетается по стенам.

Бах. Бах. Бах.

Кровь от обезглавленного тела растекается по полу и касается моих пальцев.

И еще безжалостнее.

Глава 7. Позволь мне

У меня не остается другого выхода, кроме как разрешить Севастьяну подняться в квартиру со мной. В лифте понимаю, что ненавижу его еще больше. Теперь и за то, что внушает мне страх. Я ведь действительно боюсь его. Боюсь, что отберет у меня сына. Такой мужчина, как Севастьян, может.

— И часто ты так поздно одна ходишь? — спрашивает, пока узкая металлическая кабинка предательски медленно ползет вверх. Когда я нажала кнопку вызова лифта, как назло, приехал не грузовой, а маленький пассажирский. Из-за этого я вынуждена стоять к Севастьяну слишком близко. Настолько близко, что адреналин разгоняется по венам.

— Бывает.

— Но это же опасно, Элла.

— С тех пор, как я с тобой развелась, моей жизни больше ничего не угрожает.

Мне слишком сложно смотреть ровно перед собой на двери лифта, а не поднять голову на Севастьяна.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Молодая девушка, одна, в час ночи... Где твой возлюбленный? — мне кажется, или Сева действительно произнес эти слова с презрением? — Почему он тебя не провожает?

Вот теперь я поднимаю на Севастьяна голову.

— Не лезь в мою жизнь, — чеканю.

Наконец-то лифт доезжает до моего восьмого этажа, и двери открываются. Поворачивая ключ в замке, немного нервничаю. В квартире няня. Она увидит Севастьяна и что обо мне подумает? Что я притащила мужика на одну ночь? Не то чтобы меня сильно беспокоит мнение няни обо мне, но просто она знакома с Ильей.

— Привет, — здороваюсь с няней, заходя в квартиру.

Она уже в прихожей ждет меня.

— Здравствуйте, — здоровается с ней Севастьян.

— Здравствуйте. — Как я и ожидала, няня удивленно его разглядывает. Но быстро спохватывается и переводит взгляд на меня. — Привет. Спасибо, что вовремя.

Няня у меня молодая, моя ровесница, поэтому мы с ней на «ты». Это уже вторая няня у Оскара и, надеюсь, последняя. Я бы не хотела менять Нелю на другую и очень боюсь, что по какой-то причине она сама решит от нас уйти. Когда я искала няню в первый раз, я наоборот не хотела брать молодую. В моем представлении няня должна была быть в возрасте. Как бабушка. И именно такую бабушку я наняла.

Однако потом выяснилось, что у пожилой няни болит спина каждый раз после того, как она берет Оскара на руки. Еще пожилая няня очень любила учить меня жизни и тому, как правильно воспитывать ребенка. Ведь она-то жизнь прожила и знает, не то что я. При всем ее рвении поучать меня, она почему-то совершенно не хотела заниматься с Оскаром, и все ее времяпровождение с ним сводилось к тому, что она просто ждала, когда побыстрее закончится рабочий день. На площадке Оскар один играл в песочнице, пока няня сидела на лавочке с другими нянями и чесала языком.

В итоге мне это надоело, и я ее уволила. Вместо пожилой няни я наняла молодую девушку, свою ровесницу. Тогда нам было по двадцать пять. Новая няня оказалась в разы компетентнее пожилой. Она бежит с Оскаром по площадке, играет с ним в мяч, возит его в бассейне, занимается развивашками. И у Нели не болит спина от того, что она поднимает Оскара на руки. По образованию она детский психолог.

— Как Оскар? Как прошел ваш вечер?

— Все хорошо. Мы немного погуляли, потом пришли домой, Оскар съел полную тарелку макарон с котлетой. В девять я его искупала, а в десять начала укладывать. Пол-одиннадцатого он уснул.

— Хорошо, спасибо. До завтра, Неля.

— До завтра.

Она напоследок улыбается и выскальзывает из квартиры. И все же я чувствую себя неловко после того, как Неля увидела меня с Севастьяном. Как будто я изменяю Илье, и меня на этом поймали.

Пока Севастьян моет руки в ванной, я заглядываю в детскую. На столе горит ночник, Оскар раскинулся на своем диване в позе звезды: руки и ноги в разные стороны. На сыне его любимая пижама с принтом из машинок. Есть вторая пижама с принтом из животных, но Оскар не любит в ней спать.

Севастьян становится в дверном проеме рядом со мной и тоже смотрит на спящего Оскара. И я вдруг ощущаю потребность так много сказать Севастьяну. Нет, не обвинений и претензий. А рассказать ему, сколько он упустил. Он не видел первую улыбку Оскара, он не слышал его первый смех. Севастьян пропустил первые шаги нашего сына, его первые слова. Сева не знает, какая у Оскара хорошая память и как быстро он учит стихи. Наш сын знает наизусть всего Корнея Чуковского, всю Агнию Барто. Оскар не любит рисовать, но зато любит лепить из пластилина и кинетического песка. Он умеет плавать.

Наш сын такой замечательный, а Севастьян об этом даже не знает.

— Он чудесный, — тихо говорит после долгого молчания.

Я сглатываю ком в горле. Разворачиваюсь и направляюсь на кухню. Сева аккуратно закрывает дверь в детскую и идет за мной. Я зажигаю свет и замечаю, что глаза Севастьяна слегка покраснели. Неужели расчувствовался, глядя на Оскара?

— О чем ты хотел поговорить?

Я не предлагаю бывшему мужу ни чая, ни кофе. Опираюсь на подоконник и скрещиваю руки на груди. Севастьян садится на стул напротив меня.

— Я хочу общаться с Оскаром и прошу тебя позволить мне это. Приезжать к нему хотя бы раз в неделю и проводить вместе немного времени. Вот и все, Элла. Больше я ни о чем не прошу.

Я опускаю глаза в пол и смотрю на ламинат серого цвета. Замечаю на нем небольшое липкое пятнышко.

Справедливости ради, Севастьян немного просит. И как биологический отец имеет на это право. А мне ничего не стоит рассказать Оскару о том, что папа вернулся, и позволить сыну проводить с отцом два-три часа в неделю.

Но боль, которую Севастьян причинил мне четыре года назад, просыпается. Я даже не про то, что меня похитили и изнасиловали по его вине. А про то, что Севастьян сначала довольно жестко требовал аборта, а потом равнодушно отказался признать ребенка своим. И вдруг ни с того ни с сего в Севастьяне проснулись отцовские чувства.

— Что произошло, Сева? — вскидываю на него ненавидящий взгляд. — Ты стал федеральным министром, и теперь тебе понадобился ребенок для каких-то политических целей?

— Что? Конечно, нет!

— Тогда я не понимаю, какая муха тебя укусила.

Он тяжело вздыхает и откидывается затылком на стену. Смотрит в потолок.

— Элла, я понимаю, как сильно виноват перед тобой, — начинает после долгой паузы. — Во всем. И в том, что с тобой случилось. И в том, что оставил тебя одну с ребенком. Ты имеешь полное право ненавидеть меня. Я хотел бы, чтобы все было иначе. Но четыре года назад обстоятельства были сильнее меня.

— Очень много слов и никакой конкретики. Сразу видно — губернатор! Ой, то есть, уже министр. Да неважно. Вас специально где-то обучают лить людям в уши воду?

— Элла, хватит, прошу тебя.

Я отхожу от подоконника и делаю пару шагов по кухне.

— Ты отказался признать ребенка, потому что думал, что я забеременела от насильника?

— Боже, Элла, нет, конечно! Я никогда не думал, что ты беременна от насильника! — кажется, Севу оскорбил мой вопрос. — Я всегда знал, что это мой ребенок.

— Тогда я не понимаю, почему ты так себя повел! Просто не понимаю! — перехожу на крик, рискуя разбудить Оскара.

— Почему тебе так важно ворошить прошлое?

— А почему ты думаешь, будто можешь заявиться ко мне после всей той боли, которую причинил, и ждать, что я с радостью соглашусь пустить тебя к Оскару?

— Я не жду, что ты с радостью согласишься пустить меня к Оскару. Но я прошу тебя об этом.

— Десять минут назад у подъезда ты мне угрожал.

— Да, я готов добиваться установления своего отцовства через суд. Если по-хорошему ты не согласишься допустить меня к ребенку.

Цепенею от такого заявления. Добиваться установления отцовства через суд. Это, конечно, лучше, чем похитить у меня сына. Слава Богу, до похищения ребенка Сева пока не додумался.

Вот только и суды мне сейчас тоже не нужны. Точно не когда мне предстоит бороться за главную роль в важной картине. И что же делать? Севастьян загнал меня в ловушку.

Мое смятение не остается незамеченным. Он понял, что я не хочу судов.

— Просто давай договоримся по-хорошему? Позволь мне видеть его раз в неделю несколько часов. Больше я ни о чем не прошу.

Дверь детской комнаты с шумом открывается, и к нам бежит Оскар.

— Мама! — хнычет.

Сын залетает в кухню и, не замечая Севастьяна, подбегает ко мне. Поднимаю его и обнимаю. Оскар кладет голову мне на плечо и крепко обнимает меня в ответ, продолжая хныкать.

— Тишшш, не бойся. — Глажу по спине. — Все хорошо.

Ну вот, мы разбудили и напугали Оскара. Я посылаю Севастьяну укоризненный взгляд. А он неожиданно смотрит на нас с улыбкой.

Глава 8. Играть

— Хочу кефирчик, — просит Оскар.

Держа сына на руках, открываю холодильник и достаю детский кефир с трубочкой. Сажусь вместе с Оскаром на стул напротив Севастьяна, и только теперь сын его видит.

— Привет, — здоровается ребенок и делает глоток кефира.

— Привет, Оскар, — Севастьян улыбается, и вокруг его глаз собираются маленькие мимические морщинки. — Как твои дела?

— Хорошо. — Сын делает еще глоток. — Как тебя зовут?

Бывший муж секунду медлит, и у меня появляется опасение, что он представится Оскару папой.

— Сева. Меня зовут Сева.

Облегченно выдыхаю.

— Дядя Сева, — говорит сын.

Оскар потягивает кефир из трубочки и с любопытством разглядывает Севастьяна. У ребенка сна ни в одном глазу, и я начинаю из-за этого нервничать. Как мне теперь его укладывать? Он сейчас еще захочет поиграть машинками, посмотреть мультики, устроить автомойку в раковине в ванной. Это затянется до трех-четырех ночи. А потом он вырубится и утром не захочет вставать в садик.

— Допивай кефирчик и пойдем спать, — говорю.

— Не хочу спать!

— Надо, Оскар.

— Не хочу! — категорично заявляет. — Хочу играть.

Ну вот, я так и знала.

— Покажешь мне свои игрушки? — Севастьян тут же хватается за возможность провести время с Оскаром, как утопающий за соломинку.

Сын кивает и слезает с моих колен. Оскар оставляет недопитый кефир на столе и бежит в детскую. Сева идет за ним. Мне не остается ничего другого, кроме как тоже последовать в комнату Оскара. Они располагаются на коврик с игрушками. Сын показывает Севастьяну все свои машинки.

Пока не могу понять, как я отношусь к тому, что Севастьян проводит время с нашим сыном, от которого осознанно отказался. Я мечусь между желанием прогнать Севастьяна и желанием позволить ему остаться. В итоге второе побеждает. Пользуясь случаем, отлучаюсь в ванную. Сева же не похитит у меня ребенка, пока я буду мыться? На всякий случай вытаскиваю из входной двери ключ. Я не доверяю Терлецкому.

Быстро принимаю душ, смываю макияж, одеваюсь в домашний спортивный костюм и возвращаюсь в детскую. Когда захожу в комнату, передо мной открывается картина маслом: Оскар и Севастьян лежат на коврике и играют в магнитный поезд.

— Привет, паровоз! — говорит Оскар поезду Севы.

— Привет, паровоз! — отвечает Сева поезду Оскара. — Куда ты едешь?

— На море!

— Ого! Ты едешь на море! Как здорово! А я еду в лес.

— Пока, паровоз!

— Пока, паровоз!

Они разъезжаются в разные стороны. Затем снова встречаются и по новой.

Ни Оскар, ни Севастьян в мою сторону даже не смотрят. Я ложусь на диван и наблюдаю со стороны. Они нашли общий язык. Впрочем, Оскар контактный и со всеми находит общий язык. Важно другое. Оскару интересно играть с Севастьяном. Сын по-настоящему увлечен.

Бывший муж тоже выглядит увлеченным и смотрит на Оскара, как на какое-то божество. Наблюдаю за Севой из-под полуопущенных век. И какая муха его укусила? Почему вдруг захотел общения с Оскаром? И почему не хотел раньше?

Боль в груди снова всколыхнулась. Я столько слез выплакала в подушку, когда Севастьян отказался от ребенка. Вдвойне чувствовала себя брошенной, преданной, растоптанной и уничтоженной — за себя и за малыша. Вспоминаю, как искала клинику для наблюдения беременности, как врач посмотрела на меня с заметным животом и ужаснулась: «Вы до сих пор не встали на учет по беременности? И не сделали ни одного УЗИ? Милочка, да у вас уже второй триместр вовсю идет».

Я не рассказала врачу, в каком ужасном состоянии находилась. Мне сразу сделали УЗИ, и слава Богу с ребенком все оказалось хорошо. До самого конца беременность протекала хорошо, и я родила здорового ребенка.

Глава 9. Утро

Я резко подсакиваю.

Темно. Первые секунды не понимаю, где нахожусь. Осматриваюсь.

Это комната Оскара. Я уснула у него на диване. Поворачиваю голову. Сына рядом нет.

События минувшего вечера восстанавливаются в памяти. Севастьян подкараулил меня у подъезда, я позволила ему подняться в квартиру. Громким разговором на кухне мы разбудили Оскара. Сын не захотел больше спать, и они с Севой начали играть. Я прилегла на диван и наблюдала за ними со стороны, а потом... Видимо, уснула.

Под кожей ползет страх, в ушах стучит пульс. Где Оскар? Я скидываю с себя покрывало (откуда оно только тут взялось?) и выбегаю из комнаты. Свет нигде в квартире не горит. Гробовая тишина, в которой слышно только сумасшедшее биение моего сердца.

НЕУЖЕЛИ СЕВАСТЬЯН УКРАЛ У МЕНЯ РЕБЕНКА????

Забегаю в гостиную и в шоке торможу.

Что?

Диван в гостиной разложен. А на нем спят... Оскар с Севастьяном. У меня аж челюсть отвисает от такой картины. Сын лежит на боку, Сева обнимает его одной рукой. Оскар укрыт одеялом, а бывший муж спит в одежде. На полу возле дивана разбросаны игрушки.

Я потеряла дар речи...

Который час вообще?

Выхожу в прихожую и достаю из сумки свой мобильный телефон. Шесть утра. Через час зазвонит будильник, надо будет вставать и начинать новый день.

Я возвращаюсь в зал и, привалившись плечом к дверному косяку, снова смотрю на спящих Оскара и Севу. Они не зашторили окна в гостиной, поэтому первые лучи солнца хорошо их освещают. Сейчас особенно видно сходство между ними. У Оскара такие же светлые волосы и голубые глаза, как у меня. Но все остальные черты — от Севастьяна. Подбородок, нос, скулы, овал лица — в отца. И глядя на них двоих спящих, не могу не улыбнуться.

Не сильно отдавая себе отчета в действиях, разблокирую телефон, навожу камеру и фотографирую Севу с Оскаром. От вспышки и щелчка бывший муж резко отрывает голову от подушки. Я едва успеваю спрятать телефон за спину. Севастьян смотрит на меня, прищурившись. Затем расслабляется.

— Шесть утра, — говорю. — Тебе не пора на работу?

Он трет лицо и садится на диване. Затем поворачивает голову назад к ребенку.

— Как так вышло, что вы вместе уснули?

— Ты заснула в комнате Оскара. Чтобы тебя не разбудить, я увел его играть в другую комнату. Потом он захотел спать, я разложил диван, он лег и уснул. Я хотел уйти, но дверь в квартиру оказалась заперта на ключ. Ты так крепко спала, мне было жаль тебя будить, поэтому я решил переночевать у вас. Извини за эту наглость.

Вспоминаю, как ночью перед походом в душ я спрятала ключ от входной двери, боясь, что Сева похитит у меня ребенка, пока я буду мыться.

— Тебе следовало разбудить меня. Больше таких вольностей в своей квартире я не потерплю.

Мой строгий тон скорее для видимости. На самом деле я не сержусь на Севу за то, что остался на ночь у нас. Должна бы сердиться, но почему-то не испытываю зла. Наверное, слишком милой оказалась картина, как они с Оскаром спят в обнимку.

Я ухожу в ванную. Еще раз принимаю душ, чтобы смыть с себя остатки сна. Когда выхожу, слышу возню на кухне.

— Не могу разобраться с твоей кофеваркой. Можно мне кофе?

Я подхожу к Севе и нажимаю нужные кнопки. Откуда во мне вдруг столько доброты взялось? Почему я не гоню его в шею? И правда, выставить бы Терлецкого за дверь, а я вместо этого варю ему кофе.

— Будешь омлет? — спрашиваю.

— Буду.

Я включаю варочную панель и начинаю готовить омлет. Затылком чувствую, как Севастьян наблюдает за мной. От его взгляда покалывает кожу, а по венам разгоняется волнение, как у юной девчонки на дискотеке, когда на нее смотрит симпатичный парень. Я злюсь на себя. Что за гостеприимство я тут устроила для человека, который не стоит того, чтобы я тратила на него даже минуту своего времени?

Но на миг мне кажется, что не было этих четырех лет разлуки, не было болезненного развода, не было событий, разделивших мою жизнь на ДО и ПОСЛЕ. Я просто стою у плиты и готовлю омлет для своей первой любви, для своего первого мужчины, который подарил мне чудесного ребенка.

— Знаешь, а я ходил в кинотеатр на все твои фильмы, — тихо говорит Севастьян, чем буквально парализует меня.

Глава 10. Имя

Я стою неподвижно несколько бесконечно долгих мгновений, пока до меня доходит смысл сказанного Севастьяном. Затем медленно оборачиваюсь к нему.

— Что?

— Я смотрел твои фильмы. Все, в которых ты снялась на данный момент.

У меня аж челюсть отвисает. Не то чтобы я снялась в сотне фильмов. Нет, всего в трех. Даже в плотном графике губернатора найдется время, чтобы посмотреть за четыре года три фильма. И все же...

— Зачем?

— Что «зачем»?

— Зачем ты ходил на мои фильмы?

— Ты моя любимая актриса. А обычные люди, как правило, смотрят фильмы с любимыми актерами.

— Это ты-то обычный человек? — усмехаюсь и отворачиваюсь обратно к варочной панели. Сковородка раскалилась, выливаю на нее яичную смесь для омлета и накрываю крышкой. На самом деле меня цепанули слова не про обычного человека, а про любимую актрису. Но я не хочу на них заикливаться.

— Да, я обычный человек. Я не знаменитость, как ты, у меня нет толпы поклонников.

Прикрываю глаза, стараюсь дышать ровно и спокойно. Не понимаю, для чего Севастьян это говорит. Даже если действительно ходил в кино на мои фильмы.

— Ты таким образом решил подлизаться ко мне, чтобы я позволила тебе видеться с Оскаром? Так вот я не ведусь на лесть.

— Я не льщу тебе. Я говорю правду, Элла.

«Правда» Севастьяна выбивает у меня почву из-под ног. Я не падка на лесть и красивые речи, но слова бывшего мужа про любимую актрису пробираются под кожу.

— А я не смотрела твоих выступлений по телевизору, — огрызаюсь. — Один раз мне попалось в новостях, как ты встречался с президентом. Я переключила на другой канал. Не хотела тебя видеть.

Сева ничего не отвечает, но я чувствую, как смотрит на меня.

Омлет готов, я выключаю варочную панель, поднимаю крышку и разрезаю блюдо на кусочки. Одну половину кладу Севастьяну, вторую себе. Ставлю тарелки на стол, следом за ними кружки с кофе. Я сажусь напротив Севастьяна и принимаюсь есть, не глядя на него.

— Почему ты назвала нашего сына Оскаром? — спрашивает, делая глоток американо. — В честь премии Оскар?

У меня вилка из рук выпадает и со звоном бьется о тарелку. Как же я ненавижу этот вопрос! Все, вот абсолютно все люди, думают, будто я назвала своего ребенка в честь премии американской киноакадемии. И как же меня это бесит! Потому что это не так! Я назвала сына НЕ в честь премии Оскар.

Еще до того, как сказать Севастьяну о беременности, я подумала, что если вдруг будет мальчик, то имя Терлецкий Оскар Севастьянович будет звучать красиво. И я так быстро прикипела к имени Оскар, что уже не представляла для мальчика другого. А потом Севастьян сказал, что ему не нужен ребенок, и отказался признать его своим. Мечта о красивом необычном ФИО для сына разбилась в прах. Вместо Терleckкого Оскара Севастьяновича сын стал Оскаром Меркуловым. По моей фамилии. А отчество я дала произвольное — Александрович.

Но ничего этого я бывшему мужу не скажу.

— Кинопремия здесь не при чем. Просто нравится это имя.

— Очень необычное имя для нашей страны, согласись.

— А как надо было назвать? Ваня? Петя?

— Да нет, — пожимает плечами. — Мне нравится имя, которое ты выбрала. Оскар Терлецкий красиво звучит. Оскар Севастьянович Терлецкий.

Стискиваю зубы.

— Он Оскар Меркулов. А отчество Александрович. Произвольное.

— Мы это исправим.

Какое-то время завтракаем в тишине. Она прерывается только позвякиванием приборов о тарелки. Я внешне хладнокровна и спокойна, а на самом деле в венах медленно-медленно по одному градусу закипает кровь. Мне не нравится самоуверенность Севастьяна, как будто у него есть какие-то права на Оскара.

— Если япустила тебя в квартиру и позволила провести немного времени с сыном, это еще не значит, что я готова полноценно впустить тебя в нашу жизнь. Я буду думать, Севастьян. Seriously думать. Пока я не понимаю, зачем ты вообще нам нужен.

Бывший муж выдерживает мою речь — и глазом не ведет. Я, конечно, блефую. Это с виду я такая сильная, независимая и уверенная в себе. А на самом деле я очень боюсь, что Севастьян устроит настоящие разборки за ребенка, и это будет полоскаться во всех желтых газетах. Я уже молчу о том, что бывший муж может запросто украсть у меня сына. У него достаточно для этого силы, денег и власти.

И еще я очень боюсь, что всплывут подробности моего брака с Севой. Абсолютно все — от фикции до похищения и изнасилования. Такая информация в публичном пространстве не прибавит очков моей репутации.

— Когда будешь думать, — говорит после паузы. — Руководствуйся, пожалуйста, не своими личными обидами на меня, а тем, что лучше для ребенка.

— И что же для него лучше? — хмыкаю.

— Для любого ребенка лучше, чтобы в его жизни присутствовали оба родителя.

— Это так не работает, Севастьян, — повышаю голос. — Сначала бросил ребенка, потом появился. А если через пару лет ты захочешь снова бросить Оскара? Что тогда? Может, это ты будешь руководствоваться тем, что лучше для ребенка, а? Потому что как раз я руководствуюсь интересами Оскара.

Сева откладывает в сторону приборы.

— Элла, я понимаю, насколько ужасным был мой поступок. Но в тот момент я не видел для себя другого варианта. Я не оправдываюсь. Прекрасно понимаю, что тебе не нужны мои оправдания. Прошлого уже не изменить. Но мы еще можем повлиять на будущее.

— Опять пустая болтовня и никакой конкретики. — Со злостью отодвигаю от себя тарелку. — Тебе пора на работу, Севастьян. Ты же теперь министр транспорта, да? Вот давай лучше иди дороги строй.

Я встаю со стула, давая понять, что Терлецкому пора выметаться. Сразу надо было его выгнать, а не играть в гостеприимную хозяйку. Он молча поднимается со стула, оставляет недо-еденный омлет и недопитый кофе. Послушно направляется в прихожую и обувается. Я достаю из тумбы ключ и открываю дверь в подъезд.

— Я позвоню тебе в субботу, — говорит напоследок.

Я захлопываю дверь перед его носом.

Иду в гостиную, смотрю на спящего Оскара и не могу не улыбнуться. Медленно смягчаюсь. А потом беру телефон и пишу воспитательнице в садик, что Оскар сегодня не придет. Следом отменяю свою тренировку в спортзале.

Ложусь рядом с сыном на место, на котором спал Сева, обнимаю Оскара и крепко засыпаю.

Глава 11. Не подведу

Последующие дни я много думаю, подпускать ли Севастьяна к Оскару полноценно.

Полноценно — это значит сказать ребенку, что Сева его папа, позволить им проводить вместе столько времени, сколько оба будут хотеть, допустить Севастьяна до дня рождения ребенка и других праздников, разрешить забирать Оскара к себе, брать его с собой в поездки и так далее. В общем, позволить Севастьяну быть настоящим отцом.

Это та еще дилемма. Положа руку на сердце, я не хочу впускать Севастьяна в нашу жизнь. Причин много. Четыре года назад меня похитили и изнасиловали из-за Севастьяна, а он в первую очередь думал не о моем спасении, а о своих выборах. Плюс Севастьян открыто заявил, что не любит меня, а потом не признал ребенка.

По-моему, более чем достаточные причины для того, чтобы отказать Севастьяну в просьбе общаться с сыном. Вот только есть одно «НО». Все вышеперечисленное — это *мои* личные обиды на Севастьяна.

А что лучше для Оскара?

Ведь я не должна решать судьбу ребенка, исходя из *собственных личных* обид на кого бы то ни было.

Оскар хочет папу. Я знаю это. Он с завистью смотрит на детей на площадке, которые гуляют с папами. Я исключила из чтения все детские книги, в которых у персонажей присутствует отец. Потому что при чтении такой книги реакция Оскара может быть непредсказуемой. Даже в «Бармалее» Чуковского безобидная фраза «И папочка, и мамочка под деревом сидят» может вызвать у сына если не слезы, то грусть.

С того момента, как Оскар осознал, что он мальчик, он стал тянуться к Илье. Сыну уже не всегда интересно проводить время со мной или с няней, ему порой хочется побыть с Ильей. Поэтому частые съемки моего молодого человека болезненно отражаются на Оскаре. И я должна бы радоваться, что сын тянется к Илье, вот-вот назовёт его папой (причем, сам, без подсказок взрослых), но меня это наоборот пугает. Потому что неизвестно, как сложатся наши с Ильей отношения дальше, а если ребенок сильно к нему привяжется, то будет очень больно разлучать их.

Как бы мне ни было грустно признавать, а обстоятельства складываются в пользу Севастьяна. Если только он снова не захочет бросить Оскара. Ну вдруг. И если только Оскару не угрожает опасность из-за делишек Севастьяна. Он бандитом был, он бандит есть и он бандитом навсегда останется, кем бы он не назывался: хоть бизнесменом, хоть губернатором, хоть министром.

Когда в конце недели мне звонит Севастьян с того же незнакомого номера, у меня уже почти сформировано решение.

— Алло, — поднимаю трубку.

— Привет, Элла. Как твои дела? Как Оскар?

— У нас все хорошо. Спасибо за твой интерес.

Возникает секундная заминка.

— Я насчет воскресенья. Я смогу увидеться с Оскаром и провести с ним время?

Корректнее было бы сказать: увидеться С ВАМИ и провести С ВАМИ время. Потому что я не могу оставить ребенка одного с Севастьяном. По крайней мере пока. Да Оскар и сам не останется надолго с чужим незнакомым дядей. Сын хоть и контактный, но не настолько, чтобы провести целый день в компании чужого человека и ни разу не вспомнить про маму.

Это еще одна причина не пускать Севастьяна в нашу жизнь. Я не хочу его видеть.

Но я ведь решила руководствоваться интересами Оскара, а не своими?

— Я обдумала твою просьбу по поводу ребенка. У меня есть вопросы.

— Да, конечно, спрашивай.

— Насколько Оскар в безопасности, находясь рядом с тобой?

— В абсолютной и полной безопасности. Я гарантирую тебе это, Элла. Я бы и на километр не приблизился к ребенку, если бы ему что-то из-за меня грозило.

Что-то в словах Севастьяна цепляет меня. Но некогда анализировать. Спрашиваю дальше:

— Ты хочешь, чтобы он знал, что ты его папа?

— Конечно.

— А ты думал, что будет с ребенком, если ты снова решишь отказаться от него?

— Я больше никогда этого не сделаю, — произносит пылко. — Клянусь, Элла.

— Жизнь по-разному может повернуться, — хмыкаю. — Ты однажды женишься, родишь новых детей, твоя жена будет против Оскара...

— Такого не будет, — резко перебивает.

— Чего именно не будет? Того, что ты женишься? Или того, что твоя жена будет против Оскара?

— Всего перечисленного тобой не будет.

Голос Севастьяна строг, холоден, бескомпромиссен. Как у чиновника.

— Ах, ну да, как я могла забыть, что ты бы хотел жениться только на одной девушке, — мне очень не хочется, чтобы моя интонация звучала с обидой, но, кажется, именно так она и звучит.

— Вот именно, Элла. Я бы хотел жениться только на одной девушке.

Почему спустя четыре года после развода, когда у меня давно новые серьезные отношения, я все еще испытываю боль от того, что Севастьян верен своей первой любви? Ну что со мной не так? Почему я не могу переступить и забыть?

Призрак Алисы, давно погибшей девушки Севастьяна, всегда был с нами. Я наивно полагала, что смогу затмить ее, что смогу занять в сердце Севастьяна место, которое когда-то занимала она. Какая же это была глупость с моей стороны. Севастьян будет любить Алису вечно.

Сглатываю комок слез, скопившийся в горле.

— Ладно, — выдавливаю из себя. — Я согласна пустить тебя к Оскару. Но если он из-за тебя пострадает, если ты снова его бросишь, клянусь, Севастьян, я собственными руками тебя придушу. И это сейчас не метафора. Не пустая угроза. Я убью тебя, Севастьян Терлецкий, если мой сын проронит из-за тебя хоть одну слезинку!

Последнюю фразу кричу в трубку. И я правда не шучу и не использую громкие выражения для красивого словца. Я действительно убью Севастьяна собственными руками, если Оскару будет плохо по его вине.

— Я тебе ножом глотку перережу, если с ребенком что-то произойдет по твоей вине, — зловеще шиплю в трубку.

— Элла, клянусь, Оскару ничего не грозит. Он в полной безопасности.

— Просто знай: если ты обидишь Оскара или если его обидят по твоей вине, я тебя убью. В прямом смысле этого слова.

— Я не подведу.

Глава 12. Жесткие меры

Севастьян

В субботу поздно вечером я встречаюсь в баре-ресторане с двумя старыми друзьями. Первый — Марк Соколов. Второй — Герман Ленц. В школьные годы мы играли в футбол за одну команду, только Марк и Герман были младше. После выпускного они уехали поступать в Москву, так тут и остались. Оба построили хороший прибыльный бизнес. Мы всегда поддерживали связь, старались регулярно видеться. С моим назначением в Москву и переездом в столицу, надеюсь, встречи будут чаще.

— Давай, Сева! За твое повышение! — предлагает тост Марк. — Отстрой в России дороги и мосты!

Мы смеемся и чокаемся стаканами. Я завершил первую рабочую неделю в качестве министра транспорта. Приезжал в министерство к семи утра, а уезжал в час ночи. И так каждый день. Впрочем, можно было и не уезжать, а оставаться ночевать в кабинете на диване. Но я хотел привыкнуть к своей московской квартире.

Я снял жилье возле Эллы. А если точнее — в соседнем доме. От моего подъезда до ее подъезда две минуты неспешным шагом. А с моего балкона открывается прекрасный вид на ее окна. Не то чтобы я собираюсь сталкерить за Эллой, но... В общем, мне хочется быть как можно ближе к ней и Оскару.

Конечно, все четыре года Элла была под моим наблюдением. Я знал, где она живет, с кем общается, куда ходит. Я знал, когда она родила и как назвала ребенка. Я знал их с ребенком распорядок дня. Я пробил обеих нянь. Сначала у Оскара была пожилая няня, сейчас молодая. У меня есть досье на каждую. Я должен знать, кто находится рядом с моим ребенком.

Сейчас Элла вызывает няню по необходимости, только когда у нее съемки или куда-то надо отлучиться. Большую часть времени Оскар проводит в садике. Мне нравится сад, который выбрала Элла. Там надежная охрана и хорошие воспитатели.

Единственный человек в окружении Оскара и Эллы, который мне категорически не нравится, это Илья. Актер этот дебильный. Когда вижу его рядом с Эллой и Оскаром, кровь в венах закипает. Я не понимаю, что Элла в нем нашла и зачем он вообще ей нужен. На него я тоже собрал досье. Как назло, он кристально чист. Не изменяет Элле, не занимается ничем противоправным, не водит подозрительных знакомств.

Ну просто принц на белом коне, блин!

Меня выворачивает наизнанку, когда думаю о нем. А еще — сильнее ненавижу себя. За то, что сам отдал ему свою семью.

— А вы слышали про Новосельцева? — говорит Герман, отправляя в рот канапе с закуской. — Как думаете, реально сам повесился? Или помогли?

— Может, и сам, — предполагает Марк. — Таким людям, как он, сложно справиться с потерей власти и величия.

— Всем было бы сложно смириться с потерей власти.

Друзья обсуждают бывшего губернатора нашей области, а я молчу.

Клана Новосельцевых больше нет. Тогда после похищения Эллы и проигрыша на выборах Карабас со всем своим семейством сбежал в Италию. Там у них была вилла на берегу моря, еще какая-то недвижимость и деньги на счетах, выведенные по мутным схемам. Хватило бы на безбедное существование до конца жизни.

— Он же не сразу после проигрыша на выборах повесился, — спорит Герман. — А через какое-то время.

— Может, сначала у него была затяжная депрессия.

— А я думаю, его убили, но инсценировали самоубийство, — настаивает Герман.

— Да ну, кому он нужен убивать его? — скептичен Марк. — К тому же в полиции не дураки ведь работают. Убийство, замаскированное под самоубийство, распознали бы.

— А тебя не смущает, что его сыновья тоже погибли при странных обстоятельствах?

— Так с ними вроде несчастные случаи произошли.

— Слишком много несчастных случаев, не находишь?

Новосельцев был найден повешенным на своей вилле в Италии. Полиция постановила, что это было самоубийство, и закрыла дело. Как все было на самом деле, знаю только я. Но друзьям не расскажу.

Оба сына Новосельцева тоже устранены. Один случайно утонул в Средиземном море, а второй случайно разбился в аварии. Жена Новосельцева сидит в российской тюрьме. Ей дали тринадцать лет. Она почему-то подумала, что может безопасно вернуться в Россию. Но как только самолет сел в Москве, на борт поднялись сотрудники ФСБ и задержали ее. Папочку на жену бывшего губернатора ФСБшникам передал я.

Таким образом из клана Новосельцевых осталась только Катя, младшая дочь губернатора, его маленькая радость и отдушина. Катя жива и находится в Италии. Я еще не решил, что с ней делать. С одной стороны, она вроде бы не представляет опасности. А с другой, уж я-то знаю, на что способен человек, который хочет отомстить за смерть близких людей. Поэтому пока я наблюдаю за Катей. Если я пойму, что она что-то задумала, то буду действовать решительно.

Мне пришлось предпринять слишком радикальные меры по отношению к Новосельцевым. Изначально я хотел просто их всех посадить. Однако, находясь в Италии, бывший губернатор никак не мог успокоиться. Сначала он готовил покушение на меня. У него осталось в России достаточно связей, чтобы это проверить. Я знал, однажды Новосельцев придет за мной, и был к этому готов. Но потом Карабас передумал убивать меня.

Потому что узнал о существовании Оскара.

Как я ни пытался скрыть наличие у меня ребенка, эта информация все же дошла до Новосельцева. Элла слишком знаменита, чтобы ее личная жизнь оставалась в тайне. Хотя она правда пытается скрываться от папарацци. Но не удалось. Новосельцев узнал, что у моей бывшей жены, актрисы Эллы Меркуловой, есть сын. Не сложно было догадаться, кто отец ребенка. Поэтому мне пришлось действовать слишком жестко, слишком радикально. Я не мог рисковать жизнью своего сына.

Надеюсь, Элла никогда ни о чем не узнает. Иначе возненавидит меня еще больше.

Глава 13. Девушки

Севастьян

— Кажется, нами заинтересовались вон те девушки, — указываю друзьям головой на дальний столик, за которым сидят три двадцатилетние красотки.

Меня они не интересуют от слова совсем. Я лишь хочу отвлечь Марка и Германа от разговора о Новосельцеве. А то в своем мозговом штурме на тему «Что случилось с бывшим губернатором» они могут додуматься до того, до чего им не надо.

Друзья одновременно поворачивают голову в указанном мною направлении. Девушки, заметив, что на них смотрят, резко отворачиваются и делают вид, будто что-то бурно обсуждают.

— Ничего такие, — одобрительно кивает Марк. — Моя чур брюнетка.

— Вон там еще симпатичные сидят, — Герман указывает головой на другой столик позади меня.

Мне приходится обернуться. За ним сидят две молодые подруги: блондинка и шатенка. Не похоже, чтобы интересовались нами. Скорее, у них дружеская встреча, и они не намерены ни с кем знакомиться.

— Мы можем и тех, и других к себе пригласить, — говорит Марк.

— Нас трое, а их пятеро. Жаль не шестеро, — разочарованно цокает Герман. — Чтоб по две на каждого.

Марк смеется, я тоже. Хотя ни одна из пяти девушек мне не нужна.

Я думаю об Элле, и в груди сразу разливается горечь. Думаю, как хочу снова поцеловать ее, обнять, вдохнуть запах волос. Думаю, как хочу почувствовать ее желание.

Как хочу почувствовать ее любовь.

И подарить ей свою.

Но нас разделяет пропасть размером с галактику. Нет более чужих людей друг другу, чем я и Элла. А еще она встречается с другим, и осознание этого придавливает меня бетонной плитой. Боль такая, будто все кости разом ломаются.

Я настолько погружаюсь в мысли об Элле, что не замечаю, как все пять девушек оказываются за нашим столиком. Прихожу в себя, только когда они начинают называть имена:

— Кристина.

— Эвелина.

— Лида.

— Ася.

— Юля.

Я не запомнил кто есть кто. Рядом со мной сидит рыжеволосая красотка. Она улыбается мне и заигрывает.

— Как тебя зовут, напомни? — спрашиваю.

Чуть обиженно поджимает губы.

— Я же сказала, Юля.

— Ага. А я Севастьян.

— Твои друзья представили тебя. Я запомнила.

— На кого учишься? — спрашиваю, чтобы спросить хоть что-то. На самом деле я не знаю, учится ли она. Просто им всем на вид не больше двадцати. Наверняка студентки.

— На юриста. А ты чем занимаешься?

— Я чиновник.

Ее глаза загораются неподдельным интересом.

— Здорово! Возьмешь меня к себе на стажировку? — лукаво склоняет голову на бок.

— Оставь свой номер. Моя секретарша позвонит тебе, когда у нас появится вакансия.

Юля радостно пишет свой телефон на салфетке. Я убираю ее во внутренний карман пиджака. Конечно, я не собираюсь передавать салфетку с номером своему секретарю. Я эту салфетку выброшу сразу, как только выйду из заведения. Просто есть определенные правила общения с такими девушками, как Юля. Она хочет подцепить меня. Желательно надолго. Чтобы я дарил ей дорогие подарки, возил на дорогие курорты, а потом преподнес колечко от «Тиффани» или «Картье». Любая содержанка хочет в итоге стать женой и полностью владеть деньгами мужчины.

Я еще раз внимательно оглядываю девушек за нашим столиком. Красивые, как с обложки журнала. У меня хорошо наметан глаз на содержанок. Юля, которая ко мне клинья подбивает, однозначно мечтает о шикарной жизни за счет мужика. Но не все девушки за нашим столом такие, как Юля. Блондинка, разговаривающая с Германом, заикается и трясется как осиновый лист. Не похожа на охотницу за богатым мужиком.

А брюнетка, на которую с самого начала положил глаз Марк, больше походит на богатенькую папину дочку. И на Марка она смотрит, как... на товар, что ли. Не как на спонсора. И обручальное кольцо на пальце Марка нисколько брюнетку не смущает. Как классическая дочка богатого папы, она привыкла получать все, что хочет. Даже чужую игрушку. То есть, чужого мужа. Впрочем, брак Марка с Анжелой давно изжил себя, и детей у них нет. Но брюнетке ведь об этом неизвестно.

Мне становится скучно. Я бы с удовольствием еще пообщался с друзьями, но это уже невозможно. Герман увлекся блондинкой, а Марк брюнеткой. Мне же приходится развлекать трех остальных девушек, и это утомительно. Тем более я не собираюсь уезжать ни с одной из них.

Посреди оживленного разговора и девичьего смеха я поднимаюсь на ноги.

— Мне пора. Приятно было с вами познакомиться, прекрасные девушки!

На меня уставились семь пар глаз.

— Сев, да ты чего? — удивляется Герман.

— Дела... — отвечаю абстрактно.

Жму друзьям руки, улыбаюсь девушкам и побыстрее ухожу из бара. Мой служебный автомобиль с водителем ждет у входа. По дороге к машине достаю из кармана салфетку с номером Юли и выбрасываю в урну.

— Домой, — говорю водителю.

После тяжелейшей первой недели в министерстве голова гудит. Я, видимо, засыпаю по дороге. Резко открываю глаза, когда машина тормозит у подъезда.

— Спасибо, до понедельника, — прощаюсь с водителем и выхожу.

Пару секунд смотрю на дом Эллы и только после этого захожу в свой подъезд. В квартире меня встречают звенящая тишина и одиночество. Как обычно. После развода с Эллой тишина и одиночество стали моей постоянной компанией дома. Я иду в душ и долго стою под водой, смывая с себя усталость. Потом включаю фоном телевизор, читаю что-то в телефоне, но в конце концов не выдерживаю и выхожу на балкон.

Уже поздно. Темно и холодно. В окнах Эллиной квартиры горит свет. Я смотрю и улыбаюсь.

Глава 14. Воскресенье

Элла

Я не обсуждала с Севастьяном, в какое время в воскресенье он может приехать на встречу с Оскаром. Поэтому его появление в девять утра застаёт меня врасплох. Мы только встали, ещё в пижамах. Вернее, это Оскар в пижаме, а я открываю Терлецкому дверь, наспех завязывая на талии шелковый халат. Под ним такая же шелковая ночная сорочка. Слишком короткая, чтобы находиться в ней перед бывшим мужем.

— Привет. — Севастьян переступает порог с большим пакетом из «Детского мира».

— А почему так рано? — недовольно бурчу. — Мы только встали.

Разуваясь, Севастьян окидывает меня взглядом. Мне становится не по себе и хочется прикрыться, поэтому скрещиваю руки на груди. Вместо того, чтобы отвернуться, бывший муж продолжает разглядывать меня, особенно мои обнаженные ноги. По коже пробегают ледяные мурашки. Я уже хочу возмутиться, но ситуацию спасает Оскар. Он выбегает из кухни и тормозит в прихожей:

— Дядя Сева! — восклицает.

— Привет! — Севастьян подхватывает сына на руки. — Как твои дела? Будем играть вместе?

— Даааа!

— А я тебе кое-что принес, — демонстрирует пакет с игрушками.

Глаза ребенка загораются восторгом.

— Подарки! Подарки! Я люблю подарки.

Сын слезает с рук Севы и заглядывает в пакет, приговаривая:

— Подарки, подарки.

Я оставляю их вдвоем и ухожу в ванную. Я так понимаю, Севастьян собирается провести сегодня с Оскаром весь день. Мне придется находиться с ними, потому что так надолго Оскар с чужим человеком не останется. Да я и сама не оставлю Севастьяна наедине с сыном на целый день. Я Терлецкому не доверяю. Ему ещё предстоит доказать мне, что он готов к исполнению отцовских обязанностей.

Однако долго находиться рядом с Севастьяном оказывается непросто. Я, конечно, больше не люблю его, и все же почему-то тяжело сидеть на детском коврике рядом с ним, разговаривать и улыбаться. Рука Севастьяна то и дело невзначай касается моей, а когда мы вдвоем склоняемся над коробкой с кинетическим песком, нос улавливает запах бывшего мужа. Он такой же, как четыре года назад, когда я любила Севастьяна.

А ещё мне кажется, что Севастьян как-то по-особенному на меня смотрит. Это, конечно же, не так. На самом деле Терлецкий смотрит на меня обычно, как на предмет мебели. Я для Севастьяна ничем не отличаюсь, например, от шкафа. Я, как и шкаф, выполняю для Терлецкого определенную функцию. Он на всех людей смотрит, как на исполнителей какой-то функции. Пока Севастьяну эта функция нужна, он будет поддерживать связь с человеком. Как только функция больше не понадобится, вычеркнет из своей жизни.

Поэтому меня ужасно бесит, что подсознательно мне кажется, будто Севастьян смотрит на меня как-то иначе, а не как на исполнителя определённой функции. Я понимаю: это мой мозг выдает желаемое за действительное. И я не понимаю, почему мой мозг внезапно желает, чтобы Севастьян как-то по-особенному на меня смотрел.

Мне это надоедает, и я ухожу из комнаты Оскара в свою спальню. Там сажусь на кровать и перевожу дыхание. Так теперь будет каждый раз?

Тяжело...

Я задумчиво кручу в руках мобильный телефон. Мне нужно отвлечься от мыслей о Севастьяне. Звонок Илье помог бы, но у него съемки в самом разгаре. Он даже не услышит, что я звоню.

Падаю спиной на кровать и, закусив губу, смотрю на люстру в потолке.

А мне ведь еще предстоит сообщить Илье о том, что бывший муж стал неотъемлемой частью моей жизни. Севастьян собирается видаться с Оскаром, как минимум, один раз в неделю. Пока мне играет на руку плотный график работы Терлецкого. На новой должности в министерстве у него большая нагрузка. Но как только Севастьян освоится и войдет в зону комфорта, времени на встречи с сыном у него станет больше. А значит, и я буду чаще видеть Севу.

И как мне рассказать об этом Илье? Он же придет в ужас и будет категорически против.

Боюсь, появление Севастьяна оставит отпечаток на наших с Ильей отношениях. Плохой отпечаток. Терлецкий снова портит мне жизнь...

— Мама! — дверь в спальню с шумом распахивается. — Я хочу кефирчик.

Если Оскар просит кефирчик, значит, он хочет спать. На часах половина второго. Ну да, уже пора.

— Пойдем кушать и пить кефирчик, — кряхтя, встаю с кровати.

— Не хочу кушать! Хочу кефирчик!

— Нет, сначала надо пообедать, — строго говорю. — И только потом будет кефир.

Если Оскару дать волю, то он будет питаться исключительно кефиром, яблоками и хлебцами. Он никогда не хочет ничего другого.

Мы обедаем втроем, как счастливая дружная семья. Из картины выбивается только то, что Оскар называет Севастьяна дядей Севой, а не папой. Я все же чувствую на душе гнёт. Это и чувство вины перед Ильей, и ожидание неминуемого скандала с ним, и тяжесть от долгого близкого присутствия Севастьяна.

После обеда я увожу Оскара в детскую, и там, выпив кефир, он засыпает. Долго лежу рядом со спящим сыном, не торопясь выходить к Севе. Но все же приходится это сделать. Не хочу, чтобы бывший муж думал, будто я специально избегаю его.

— После сна надо пойти погулять, — говорю, выйдя к нему на кухню.

— Когда мы скажем Оскару о том, что я его папа?

Я дергаюсь, как от удара током.

— Попозже, — отвечаю расплывчато.

— А зачем тянуть? Давай сегодня скажем, когда проснется.

О Господи...

Глава 15. Сильнее, чем тебя

— Нет, — категорично заявляю.

— Почему?

— Потому что я тебе еще не доверяю. Я скажу Оскару, когда буду уверена, что ты не исчезнешь с радаров на следующие четыре года.

— Элла, — Севастьян поднимается со стула и делает несколько шагов ко мне. — Я больше не брошу Оскара, не исчезну и не пропаду.

Я отступаю назад и упираюсь бедрами в кухонную столешницу. Сева делает еще один последний шаг и оказывается вплотную ко мне. Слишком близко.

— Жаль. Я бы хотела, чтобы ты исчез и больше никогда не появлялся. Знаешь, я жалею, что сказала тебе тогда о беременности.

Севу совсем не обидели мои слова. Склонив голову чуть набок, он грустно улыбается уголками губ.

— Ты правда думаешь, что я бы не узнал?

— А как бы ты узнал? Ну только если бы следил за мной.

Я осекаюсь. После внезапного появления Севастьяна на моем пороге я что-то такое подозревала, но...

Неужели это правда!?

— Ты следил за мной!? — возмущенно восклицаю. — Все четыре года следил за каждым моим шагом!?

— Ну, не за каждым твоим шагом. Но да, следил. Вернее будет сказать: наблюдал со стороны.

Меня раздражает от возмущения. От ребенка отказался, даже алименты не платил, а зачем-то «наблюдал со стороны» за нашей с Оскаром жизнью. Знал, что я родила мальчика, знал, как я его назвала, знал, где мы живем.

— Зачем?

Севастьян отходит к окну, и я наконец-то делаю вдох полной грудью. Когда он слишком близко, я не могу нормально дышать.

— Я должен был знать, что с вами все в порядке.

— Зачем тебе это знать?

— Странные вопросы, Элла. Может быть, за тем, что Оскар мой сын?

— Тогда почему ты от него отказался?

— Потому что тогда были такие обстоятельства.

— А сейчас они другие? — иронично выгибаю бровь.

— Да, — по виду Севастьяна понимаю: он начинает злиться.

— И что же изменилось?

— Много что.

Севастьян не расскажет ничего. Я так и не поняла, почему он такой скрытный. Не доверяет мне? Или считает, что я не пойму? Или думает, что его супер-важные обстоятельства — не моего ума дело?

Так было всегда. Сколько раз я ни спрашивала у Севастьяна, почему он решил пойти на выборы губернатора, а так и не получила внятного ответа. Он просто не хотел говорить мне причину. Сейчас то же самое. Он не объяснит, почему отказался от Оскара, не участвовал в его жизни и что вдруг изменилось сейчас. Можно больше не спрашивать. Это бесполезно.

Севастьяна нужно или принять таким, какой он есть, или не принимать вообще. Пять лет назад я приняла его и полюбила со всеми тайнами и секретами, сложным властным характером и деспотичной натурой. А теперь это только сильнее отталкивает меня от него. Терлецкий

никогда не будут советоваться со своей женщиной, спрашивать ее мнения. Он просто принимает решения и ставит перед фактом. Он никогда не объясняется и уж тем более никогда не отчитывается.

«Раз я так сделал, значит, так надо было. И точка» — вот его ответ на все вопросы.

Диктатор.

— Знаешь, а я уже и забыла, какой ты, — произношу с упреком.

— Какой?

— Деспотичный. И жесткий. И неспособный чувствовать. Я таких мужчин, как ты, больше не встречала.

Севастьян молчит. Кажется, ему нечего ответить на мои обвинения. Потому что понимает: я права. Мне горько от того, что я любила такого человека. И еще горше от того, что он почему-то продолжает волновать меня. После стольких лет, после столькой боли Севастьян стоит на моей кухне и, как прежде, вызывает во мне бурю чувств. Да, только отрицательных. Но чувств ведь.

Иногда я представляла, как мы снова встретимся. Глубокими темными ночами, когда мне не спалось, я вспоминала Севастьяна и представляла нашу встречу. Стыдно признаваться в этом даже себе. И каждый раз я рисовала в голове, как буду гордой и безразличной. Как буду смотреть на него свысока.

А что на самом деле?

Вот он передо мной. А я такая жалкая. Высказываю обиды, потому что они до сих пор гложут. Хочу накинуться на Севастьяна с кулаками, бить и кричать, обвинять, вылить всю скопившуюся боль. И расплакаться.

Я хочу расплакаться, как маленькая девочка. И только мой актерский талант помогает мне держать лицо.

— С тобой я чувствовал. Ты научила меня снова чувствовать. С тобой я снова начал жить. — Тихие слова Севастьяна пробираются под кожу. У меня дрожат пальцы, и я прячу руки за спину. — Но я не смог тебя защитить. Я опоздал. Я так виноват перед тобой, Элла, — произносит с раскаянием.

«Я опоздал».

Он говорит про изнасилование. Быстро отворачиваюсь от Севастьяна, чтобы он не видел, как мне на самом деле плохо. Так, Элла, соберись. Тебе нужно сыграть убедительно.

— Это больше не беспокоит меня. У меня все хорошо, — поспешно заверяю. — Я переступила через это и живу дальше. У меня прекрасный молодой человек, с которым я счастлива. Мы давно вместе, он ладит с Оскаром. В общем, у меня все хорошо. Не надо меня жалеть.

— Ты любишь его?

Вопрос застаёт меня врасплох. Так прямо даже я сама себя не спрашивала.

Но, конечно, у меня есть чувства к Илье! Разве я встречалась бы с ним полтора года, разве подпустила бы к своему сыну и к своему телу, если бы не испытывала искренних чувств?

— Да, люблю. Сильнее, чем любила тебя.

Из Севастьяна никудышный актер. Он никогда не умел скрывать своих истинных чувств. Вот и сейчас я читаю в его глазах горькое разочарование.

Глава 16. Скандал

Прежде, чем наступает выходной у Ильи, Севастьян проводит с нами еще одно воскресенье. Он задаривает Оскара подарками и не устает играть с ним в игры. Это имеет эффект. Сын очень располагается к родному отцу и потом еще долго спрашивает меня, когда к нам снова приедет дядя Сева. Удивительно, но Оскар даже перестал вспоминать Илью.

Поэтому когда в субботу к нам приезжает мой молодой человек, я очень боюсь, что Оскар начнет болтать про Севастьяна. Я бы не хотела, чтобы Илья узнал об этом таким образом. Но, к счастью, Оскар не произносит ничего лишнего. Видеть Илье он тоже рад. Мы проводим чудесные полдня в детском кафе с аниматорами и батутами, а по дороге домой Оскар засыпает. Я аккуратно заносу его в квартиру и укладываю в кроватку.

Вот теперь пора поговорить с Илей.

Он в гостиной на диване ждет меня. Когда захожу в комнату, Илья притягивает меня к себе и усаживает на колени. Сразу пылко целует. Я чувствую, как сильно Илья соскучился по мне, и испытываю чувство вины. Потому что за минувшие три недели Севастьян настолько занял мои мысли, что мне некогда было скучать по Илье. Даже больше: я настолько боюсь предстоящего разговора с Илей, что не хотела с ним сегодня встречаться. Чуть было не придумала причину для этого.

— Я каждый день о тебе думаю, — Илья зарывается носом мне в шею. Глубоко вдыхает и медленно выдыхает. — Переезжайте уже ко мне, а? — поднимает на меня лицо. — Почему ты не хочешь?

Ситуация повернула совсем не в то русло, в которое мне надо. Начав с личного, поговорить о Севастьяне будет еще сложнее.

— Я не не хочу. Просто переезд к тебе станет очень стрессовым событием для Оскара. Здесь его комната, его игрушки.

— В моей квартире мы тоже сделаем Оскару комнату. Не вижу проблемы.

Я сползаю с колен Ильи на диван. Нет, все-таки надо было сказать ему про Севастьяна сразу. Может, по телефону после тяжелого съемочного дня Илья отреагировал бы не так остро, как отреагирует сейчас — после того, как мы начали разговор с нас.

— Есть один нюанс.

— Какой? — настораживается.

Ну, была не была.

— Мой бывший муж.

Лицо Ильи вмиг приобретает строгое и жесткое выражение.

— А что он? Снова приезжал?

— Да.

— И что хотел? — в голосе Ильи слышится плохо скрываемая злость.

— Я много думала и решила позволить ему общаться с Оскаром.

Сейчас будет взрыв...

— Что!? — Илья подсакивает на ноги. — Элла, ты в своем уме!? Зачем!? Он бросил тебя беременной! Он даже алименты не платил! Тебе повезло, что тебя заметили в театральном и пригласили сниматься. А если бы нет? Да тебе бы элементарно не на что бы было растить ребенка.

— Да, ты прав, — отвечаю тихо и спокойно. Мне нельзя тоже переходить на эмоции, потому что тогда точно будет скандал. Мне надо действовать на понижение градуса. — Но это все мои личные обиды на бывшего мужа. Мои, понимаешь? Но Оскар ведь тут ни при чем.

— Как ни при чем? Он бросил Оскара! Бросил своего ребенка!

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Илья вспылел и не собирается успокаиваться.

— Оскар этого не понимает. Он просто хочет папу. И я буду последней сволочью, если лишу ребенка отца из-за своих личных обид на него. Послушай, я тоже не в восторге от того, что Севастьян появился на моем пороге. Но он отец Оскара.

— Отец, который сначала отказался от своего ребенка, а потом внезапно передумал, — ухмыляется. — Ну просто отец года! Премию ему!

Илья отступает на пару шагов и отворачивается от меня. Скрестив на груди руки, смотрит в окно. По тяжело вздымающимся плечам понимаю: Илья сильно зол.

Я очень расстроена. Мы не виделись три недели, а теперь весь день испорчен скандалом. У Севастьяна определенно талант: портить мне жизнь.

Ненавижу его.

— Вы планировали ребенка? — вдруг спрашивает Илья и поворачивается ко мне.

— Что?

— Оскар был запланированным ребенком? Или ты залетела?

От столь неожиданного вопроса я впадаю в ступор. Даже не знаю, что сказать. Первый порыв — ответить вопросом на вопрос: «А почему ты спрашиваешь?».

Когда мое удивление чуть сходит, я понимаю: ответить-то мне нечего. Потому что я сама не знаю ответа. И не раз задавала этот вопрос себе.

Севастьян дважды занялся со мной сексом без защиты. Он сделал это намеренно. Почему — загадка.

— Нет, мы не планировали ребенка. А что?

— Просто интересно. Но все равно это не оправдывает твоего бывшего мужа.

— А я и не пытаюсь оправдать Севастьяна.

— Значит, теперь ты будешь регулярно видеться с ним и общаться?

Разговор переходит в еще более нежелательное русло. Илья ревнив. Странное качество для актера. Особенно если состоишь в отношениях не с обычной девушкой, а тоже с актрисой.

— Только по вопросам Оскара.

— Он уже проводил с вами время?

Вздыхнув, встаю с дивана и подхожу к Илье. Беру его лицо в ладони.

— Пожалуйста, — прошу слезно. Нет, не прошу. Умоляю. — Мне очень тяжело из-за того, что он вернулся. Я не хотела этого. Я его не звала. Но он вернулся и предъявил требования. А я всего лишь стараюсь поступать так, как лучше для моего сына.

Мои слова ни капли не смягчают Илью. Он недовольно свел брови на переносице, сжал губы в нитку. Я встаю на носочки и целую его, но не помогает.

— А теперь я не просто предлагаю тебе переехать с Оскаром ко мне. Я настаиваю на этом, Элла.

Глава 17. Ревность

Севастьян

Сегодня он ночует у Эллы. Илья этот.

Я видел его со своего балкона. Уже поздно, за двенадцать ночи перевалило. Сначала их с Элллой силуэты маячили на кухне. А потом свет на кухне погас, но загорелся в спальне. Элла зашторила окна, и теперь я могу только догадываться, чем они занимаются.

Я стою, как дурак, на своем балконе ледяной октябрьской ночью, но даже не чувствую холода. Потому что кровь в венах кипит, как в адовом котле. Меня накрывает ревностью и болью. Скулить хочется, как подстреленной собаке. Дышать не могу от разрывающей меня бури.

Может, рвануть сейчас к Элле и свернуть этому Илье шею?

Начинается дождь. Бьет меня по лицу и телу большими холодными каплями, больше похожими на мелкий град. И только когда промокаю насквозь, отрываю взгляд от окон Эллы, в которых горит приглушенный интимный свет, и уйду с проклятого балкона.

Я знаю, как Элла может любить. Я познал ее любовь всю, прочувствовал каждой клеткой своего тела. И не могу поверить, что точно так же она любит его. Илью этого.

«Да, люблю. Сильнее, чем любила тебя».

Даже сильнее чем меня.

Разве возможно сильнее?

Элла отдавалась мне без остатка. Вручила мне свою душу и свое сердце. Была настоящей женой, а не фиктивной. Она горела в моих руках. И я горел вместе с ней.

Но обстоятельства оказались сильнее. Рядом со мной Элла была под угрозой. Единственным способом защитить ее было развестись и полностью оборвать связь. Заставить Новосельцева поверить, что это был фиктивный брак. Беременность Эллы все усложнила. Угроза над ней возросла. Будучи беременной, Элла была еще более уязвима. Я предлагал ей аборт, хотя на самом деле, конечно, не хотел этого. И рад, что Элла меня не послушала и родила Оскара. Несмотря на то, что беременной находилась в огромном риске. Счастье, что Новосельцев не прознал про положение Эллы. Иначе ему бы доставило отдельное удовольствие не просто убить мою жену, а убить мою **БЕРЕМЕННУЮ** жену.

Я должен был дистанцироваться от Эллы. Я не мог быть рядом с ней и ребенком до тех пор, пока Новосельцев спокойно ходил по земле. Я должен был сначала разобраться с ним. Конечно, я понимал, что, во-первых, вряд ли Элла когда-нибудь меня простит, а во-вторых, с высокой вероятностью у нее появятся новые отношения. Возможно, выйдет замуж. Мне было больно, но такова была цена ее благополучия. И благополучия моего сына.

Сейчас, когда ни Элле, ни Оскару больше ничего не угрожает, я могу быть рядом с ними. Я отчаянно хочу этого. Однако Элле я больше не нужен. Закономерно и логично. Однако нестерпимо больно. Элла может ненавидеть меня, может выйти повторно замуж, может родить новых детей. Это ее право. Но Элла точно не может запретить мне общаться с Оскаром, запретить сказать ему о том, что я его отец. Мой сын будет называть меня папой.

Промокнув под холодным дождем до нитки, я иду в душ. Делаю воду погорячее и долго стою под струями. Мне сорок один год, и я очень надеюсь, что все мои войны подошли к концу. Я больше не хочу ни с кем воевать, никому мстить, никого убивать. Но все равно врагов у меня достаточно. Я много кому перешел дорогу как в ликеро-водочном бизнесе, так и в политике. Поэтому не расслабляюсь и всегда на чеку.

Выхожу из душа и сразу направляюсь к окнам. Сквозь стену дождя вижу, что интимный приглушенный свет в спальне Эллы еще горит. Стрелы ревности пронизывают мне сердце.

Вдохнуть спокойно не могу, когда представляю, как этот недоумок Илья трахает Эллу. Мою жену. Мать моего сына.

Я уже на полном серьёзе придумываю поводы заявиться к Элле в гости посреди ночи, как звонит мой телефон. Бросив на экран беглый взгляд, ухмыляюсь. Надо бы поднять трубку, ни к чему обижать человека, но сначала достаю из бара бутылку виски и плескаю в стакан немного коричневой жидкости. Звонок прекращается, но я знаю: через десять секунд телефон снова начнет петь и вибрировать. Так и происходит.

— Аллю, — беру трубку и делаю глоток обжигающего напитка.

— Привет! Не разбудила? — голос Марины бодр и игрив.

— Нет, но я собираюсь ложиться.

— А я сейчас в Москве! — радостно заявляет. — У подружки, Ани Фроловой, послезавтра день рождения, она меня пригласила, и я приехала. Помнишь Аню?

Не помню. У Марины полно подруг, одно время она любила знакомить меня с ними.

— Помню, — вру.

— Может, увидимся? — спрашивает неуверенно. — Сейчас, — добавляет после секундной заминки. — Я могла бы приехать, если ты еще не спишь...

Как ни странно, Марина не ушла из моей жизни полностью. После развода с Эллой я не видел смысла искать кого-то нового. Марина вполне годилась для удовлетворения физиологических потребностей. Но в последний год наша связь практически сошла на нет. Марина прямым текстом заявила, что хочет семью. Я прямым текстом ответил, что мне это не нужно. Она обиделась, закрутила с кем-то роман. Меня это не беспокоило. А пару месяцев назад она снова стала мне звонить. Как я понял, ее новый роман не увенчался успехом.

Я тяну, не отвечаю на предложение Марины увидеться. Делаю еще глоток виски и смакую напиток во рту. Признаться честно, я совсем потерял к Марине интерес. За столько лет я узнал ее вдоль и поперек, и она мне надоела.

Но сейчас там, в соседнем доме, Элла не спит, потому что предается любви с этим своим актером. Ревность ядом разливается по венам, отравляет мне душу. Желание прямо сейчас отправиться к бывшей жене и вломиться в ее квартиру накатывает волнами. И я это сделаю, если меня что-нибудь не сдержит. Поэтому отвечаю Марине:

— Приезжай.

Глава 18. Хмурое утро

В семь утра я спускаюсь во двор проводить Илью до машины. Обычно я этого не делаю, чтобы не оставлять Оскара одного в квартире. У меня патологический страх, что сын может внезапно проснуться, не найти меня, испугаться и так далее. Но сегодня я решаю нарушить свое правило на пять минут. Удостоверившись, что сын крепко спит, быстро одеваюсь и выхожу с Ильей. Всю ночь лил дождь, нам с трудом удастся обходить лужи. Я наспех накинула на себя плащ, не подумав, что он не предназначен для такого холода. Кутаюсь, а он не греет.

У машины Ильи я поднимаю на него виноватое лицо. Гнетущее молчание повисает свинцовой тяжестью. Я не ответила к Илье по поводу переезда к нему.

— Я так понимаю, нет? — хмуро интересуется.

Его настроение такое же ужасное, как и погода. Хотя у нас была бурная ночь, последствия вчерашней ссоры никуда не ушли.

— Я не хочу принимать важные жизненные решения из-за своего бывшего мужа или назло ему.

— Я не предлагаю начать вместе жить назло твоему бывшему.

— Я понимаю. Но получается именно так. Потому что ты выдвинул ультиматум, только когда Севастьян появился. — Нервно переминаюсь с ноги на ногу. — Послушай, Илья, для меня это более важный шаг, чем для тебя. Если у нас не выйдет, то я от тебя съеду, и ты продолжишь дальше жить своей жизнью. А у меня ребенок, которому нужно объяснять, почему я таскаю его туда-сюда из квартиры в квартиру и почему вчера дядя Илья с нами был, а сегодня его уже нет.

— Ты придумываешь проблемы на ровном месте. Тысячи разведенных женщин с детьми устраивают свою личную жизнь...

— Я не хочу быть одной из тех женщин, у которых дети называют папой каждого нового любовника мамы, — резко обрываю. — Я, кстати, наблюдала такое в детстве. И это было не классно.

— Где ты такое наблюдала? Ты из полной семьи.

— Я наблюдала это у своей тети.

Сестра моей мамы развелась с мужем, когда ее сыну было где-то года четыре. После развода тетя отчаянно пыталась устроить свою личную жизнь и каждого нового мужика тащила в квартиру, в которой жила с ребенком. В итоге мой двоюродный брат повидал всех тетиних любовников и половину из них называл папой.

По-моему, это ужасно.

— А почему ты не рассматриваешь вариант, что у нас все получится и мы создадим счастливую семью? Почему ты думаешь только о плохом?

Справедливое замечание.

— Не знаю... Наверное, дело в моем предыдущем неудачном замужестве. Пожалуйста, Илья, не дави на меня! — произношу излишне эмоционально.

Он тяжело вздыхает. Долго смотрит куда-то вдаль поверх моего плеча.

— Ладно... — возвращает внимание ко мне. — В пятницу у моей мамы день рождения. Поедешь со мной?

Неожиданно.

— У тебя же съемки? — выгибаю бровь.

— Я договорился, чтобы в вечер пятницы меня отпустили. Ну так что?

— Твоя мама меня не приглашала.

Илья закатывает глаза.

— Она пригласила меня, а ты со мной.

— Нет, — категорично качаю головой.

— Элла, мама позвонила мне несколько дней назад и сказала, что устраивает в пятницу банкет. Само собой разумеется, что я приеду с тобой, и она об этом знает. Я прошу тебя, хватит придирааться к моей маме! Она пригласила нас обоих.

Стискиваю зубы. Я так и не поняла: Илья реально не видит отношения своей матери ко мне или делает вид? Я бы продолжила спор, но Илья и так зол из-за моего отказа переезжать к нему. Поэтому решаю не нагнетать.

— Хорошо, поедem вместе. Вызову на вечер пятницы няню.

Лицо Ильи немного смягчается.

— Хорошо, я позвоню тебе сегодня перед сном.

Киваю и первой тянусь поцеловать Илью. Я чувствую необходимость загладить перед ним свою вину. Поэтому целую Илью так, как еще никогда не целовала. Крепко обнимаю его за шею, лну всем телом и сминаю губы.

— Ого! — смеется мне в рот. — Вот это я понимаю: поцелуй!

Чмокаю его еще несколько раз.

— Все, мне пора, — Илья с довольной улыбкой отрывается от меня. — А то опоздаю на съемки.

Кажется, мне немного удалось растопить его сердце. Довольная, я провожаю взглядом машину Ильи, пока она не скрывается за поворотом, и только тогда тороплюсь домой. Вероятность того, что Оскар сам проснется в семь утра, близка к нулю, но все же мне тревожно. Сильнее кутаюсь в холодный плащ и перепрыгиваю лужи.

Ранним воскресным утром, когда температура воздуха едва достигает десяти градусов, а небо затянуто свинцовыми тучами, которые угрожают новым дождем, мало желающих ходить по улице. Поэтому мой взгляд сразу выделяет стройную женскую фигуру, цокающую шпильками по тротуару мне навстречу. Я смотрю в лицо девушки, она смотрит на меня, и...

Мы обе резко останавливаемся, как вкопанные.

Изумление застревает в горле. Кажется, не только у меня, но у нее тоже. Потому что мы тупо пялимся друг на друга во все глаза.

— Элла?

— Марина?

Произносим одновременно и замолкаем, продолжая разглядывать друг друга.

Я, конечно, знаю, что Москва — это большая деревня, но не настолько же...

Она не изменилась. Все такая же шикарная и сногшибательная. Длинные черные волосы доходят почти до пояса. Они так блестят этим хмурым пасмурным утром, словно их золотом натерли. Марина без косметики, лицо идеальное. Ни прыщика. Одета гораздо лучше меня. Я в плаще поверх домашнего спортивного костюма и в старых кроссовках, а Марина при полном параде, как будто направляется на светский раут: высокие сапоги на каблуках, облегающее платье до колен и белый норковый полушубок.

Сую заледеневшие руки в карманы плаща.

— Вот так неожиданная встреча, — Марина хмыкает и разводит пухлые губы в своем фирменном оскале. — Что ты здесь делаешь?

— Вообще-то живу.

— Ха! Специально поселилась возле Севастьяна? Преследуешь его?

— Что!?

Я еще не вышла из состояния шока от встречи с Мариной, как добавился новый.

— Да ну брось, не притворяйся. Думаешь, я поверю, что ты тут случайно мимо проходила?

— Я живу в этом доме, — указываю рукой на свой.

Сама не знаю, зачем оправдываюсь перед ней. Спишем это на шоковое состояние.

— А Сева живет в этом, — деловито заявляет, указывая наманикюренным пальцем на соседний дом.

Я оторопело оглядываю высотку, построенную в нескольких десятках метров от моей. Она и внешне точно такая же, как моя. Дома хоть и бизнес-класса, а как классические чело-
вейники наклеплены вплотную друг к другу.

— Я не знала.

— Ну да, конечно, — язвит. — Так я тебе и поверила.

Я больше не чувствую октябрьский холод. По венам разогнался жар вперемешку со зло-
стью. Севастьян поселился рядом со мной? Специально? Да как он посмел!

Я чувствую, как покрываюсь красными пятнами. Горит лицо, горит шея. Возмущение
так и прет из меня.

— Послушай, отстань уже от него, а? Неужели у тебя нет ни капли гордости? Ваш брак
был фиктивным.

Почему-то Марина не действует мне на нервы, хотя я по-прежнему органически ее не
перевариваю. Сейчас Марина вызывает во мне жалость. Перевожу взор с высотки Севастьяна
на его бессменную любовницу.

— Марина, тебе себя-то не жалко? Ты столько лет убила на него впустую и продолжаешь
убивать дальше. Да не любит он тебя. Найди уже себе нормального мужчину и выйди замуж.

— Да что ты говоришь? И кого же Севастьян любит? — выгибает аккуратно выщипанную
бровь. — Тебя, что ли?

— Нет. Севастьян до сих пор любит Алису. И всегда будет любить только ее.

Лицо Марины застывает, глаза словно стеклянными становятся.

— Ты что такое говоришь, — бормочет растерянно. — Она же умерла кучу лет назад...
Делаю шаг к Марине.

— Он будет любить ее вечно. Поэтому ни тебе, ни мне, ни какой-то еще девушке ничего
с ним не светит. Я искренне желаю тебе понять это и отпустить Севастьяна. Ты слишком много
лет потратила на него. Остановись.

Не дожидаясь, что Марина ответит, обхожу ее и бегу к своему подъезду. Ее взгляд свер-
лит мне затылок. Вряд ли Марина услышала меня, она из тех дурочек, которые впустую тратят
десятилетия своей жизни на недостойных мужчин. такие женщины ничего, кроме жалости, не
вызывают.

Переступив порог квартиры, не разуваясь, спешу в комнату Оскара. Сын спит беспро-
бным сном, и я с облегчением выдыхаю. Приваливаюсь лбом к дверному косяку и гляжу на
ребенка. Губы расплзаются в счастливой улыбке.

Через пару часов заявится Севастьян проводить время с Оскаром. Я сколько угодно могу
ненавидеть Терлецкого, злиться на него, но в тайне я всегда буду ему благодарна — за такого
чудесного сына.

Глава 19. Вот так просто

Севастьян приезжает ровно в девять утра. Как штык. Вернее будет сказать, не приезжает, а приходит. Теперь-то я знаю, где он живет. К моменту появления бывшего мужа мои эмоции немного поутихли. Но желание уличить его в соседстве осталось. Меня раздражает своевольность Севастьяна. И эта его манера поступать только так, как хочет он.

Когда Оскар засыпает на обеденный сон, я выхожу к Севастьяну. Он сидит в гостиной на диване.

— Ты будешь ждать здесь, пока Оскар не проснется?

Я прохожу мимо Севастьяна и опускаюсь в кресло.

— Ну да. Не угостишь меня чаем?

Расплываюсь в слащавой улыбке.

— Я думала, тебя Марина ждет с чаем.

Севастьян из расслабленного вмиг становится собранным.

— К чему ты ее вспомнила?

— Представляешь, встретила ее сегодня утром в нашем дворе. Вот неожиданность была.

Мир так тесен, а Москва такая маленькая...

Сева заерзал на диване. Непривычно видеть его пойманным с поличным.

— Мне приятно, что тебя беспокоит моя личная жизнь. Ревнуешь меня к Марине? — шутливо выгибает бровь.

— Хорошая попытка соскочить с темы.

— С какой темы?

— С темы того, что твоя любовница делала в моем дворе. — Напускная улыбка сходит с моего лица, и последние слова я почти цежу сквозь зубы.

— Ты же сама сказала: Москва — большая деревня.

— То есть, ты по чистой случайности поселился в соседнем доме?

Сева неопределенно ведет плечами. Ему совершенно точно не нравится тема нашего разговора.

— Тебе не все равно, где я живу, Элла? Честное слово, я сейчас подумаю, что ты до сих пор ко мне небезразлична.

Я выпрямляюсь в кресле и скрещиваю руки на груди. Пару мгновений гляжу на бывшего мужа, склонив голову чуть на бок. То, как он пытается перевести все в шутку, говорит само за себя. Севастьян не хотел, чтобы я знала, где он живет.

— Ты прав, мне абсолютно все равно, где ты живешь. Но я удивлена, что ТЕБЕ не все равно, где живу я. С чего вдруг у тебя желание жить по соседству со мной?

— Хотел быть ближе к своему сыну.

Так я и знала, что в конечном итоге Терлецкий сведет разговор к Оскару. Мол, я не рядом с тобой, а рядом со своим сыном. В принципе, дальше продолжать дискуссию бессмысленно. Мы будем ходить вокруг да около. Но я не могу удержаться от колкости:

— А куда Марина шла в такую рань?

— Понятия не имею.

— Как это? Она же твоя бессменная любовница. Сколько лет ты с ней спишь? Уже десять, наверное?

— Не знаю, я не считал.

— Вы живете вместе?

— Элла, я сейчас точно подумаю, что небезразличен тебе, — слегка смеется.

Я начинаю злиться. Попытки Севастьяна перевести все в шутку вызывают во мне крайнюю степень раздражения. Действительно следовало бы сменить тему. А лучше — не разгова-

ривать с Севастьяном вообще. Я бы хотела выгнать его из своей квартиры. Но ведь это будет выглядеть низко? Как будто я маленькая девочка, которую обидели. Но и поить Севастьяна чаями как-то не очень хочется.

— Если тебе интересно, — прерывает затянувшееся молчание, — то я не живу с Мариной. Я живу один. Марина действительно вчера была у меня в гостях. Это был первый раз с того момента, как я переехал в Москву. И в принципе первый раз за примерно полтора года. Если ты беспокоишься о том, что Марина будет рядом с Оскаром, то переживать не о чем. Марины рядом с ним не будет.

Я не знаю, что ответить на поток откровений Севастьяна. Вздохнув, отворачиваю голову в сторону и рассматриваю большую фотографию в рамке на стене. Там я и Оскар в его первый день рождения. У сына в руках ленточка с голубым воздушным шариком, на котором написано «Оскару 1 годик». Мы оба смеемся в камеру.

Пожалуй, продолжающиеся отношения Севастьяна с Мариной удивили меня даже больше, чем то, что бывший муж поселился в соседнем доме. Почему-то я не думала, что Сева может поддерживать связь с Мариной.

Сердце неприятно точит червячок. Конечно, мне все равно, с кем спит Севастьян, но...

Почему Марина? Неужели нет других девушек?

О любовнице Севастьяна у меня остались крайне неприятные воспоминания. Она постоянно пыталась поддеть меня или унижить. Подчеркивала свое превосходство надо мной. Заявилась на нашу свадьбу.

Я молча встаю с кресла и иду на кухню. Привкус горечи не отпускает. Включаю чайник, ставлю на стол две кружки, достаю из холодильника пирожные, которые вчера купил Илья. Секунду смотрю на них и убираю обратно в холодильник. Кошунство — есть их вместе с бывшим мужем.

Через пару минут Сева заходит на кухню, хотя я не звала его. Чайник закипел, я разливаю воду по кружкам.

— Я хочу сказать сегодня Оскару о том, что я его папа, — говорит вежливо, но твердо. — Не понимаю, к чему откладывать это на месяцы. Чем раньше скажем, тем быстрее он привыкнет.

Я ничего не отвечаю. Делаю вид, что не услышала. Умом понимаю: Севастьян прав. Раз уж я согласилась впустить бывшего мужа в жизнь нашего сына, то и скрывать от Оскара правду смысла нет. Тем более что сын мечтает о папе.

— Ну и так как я живу рядом, — продолжает, не дождавшись от меня реакции, — возможно, потом Оскар мог бы оставаться у меня дома один или два раза в неделю.

Вот тут я не могу смолчать. Фыркаю.

— Я ждала от тебя чего-то подобного. А потом ты захочешь увезти его в свою область на каникулы, да?

— Не буду скрывать: я действительно собираюсь свозить Оскара в свою область. В первую очередь для того, чтобы познакомить со своей мамой.

Я бы хотела ответить что-нибудь колкое, но молчу. К маме Севастьяна я отношусь с уважением. Несмотря на то, кем является ее сын.

— Твоя мама знает про Оскара?

— Да, я не так давно рассказал ей. Она мечтает познакомиться с внуком.

В груди появляется щемящее чувство. Мне жаль, что из-за своего сына Нина Арсеньевна лишилась внука. Она чудесная женщина и была бы прекрасной бабушкой для Оскара.

— Я не против знакомства Оскара с твоей мамой, — соглашаюсь.

Севастьян довольно улыбается.

— Тогда скажем ему сегодня, что я его папа.

— Ладно, — произношу без энтузиазма.

Оскар просыпается через час. Все время его сна я нервно кусала губы, в то время, как Севастьян был абсолютно спокоен. Я хотела обсудить с бывшим мужем, как именно мы скажем это Оскару. Но Терлецкий заверил, что сам подберет слова.

Оскар пьет какао с ватрушкой, Сева ведет с ним беседу о машинах, я нервно постукиваю пяткой по полу.

— Оскар, я хочу кое-что сказать тебе, — Севастьян подается вперед к сыну.

Мое сердце заходится так, словно я на американских горках. Я уже хочу вскочить со стула и как-нибудь заткнуть Севе рот, но он опережает меня:

— Я твой папа.

Ледяной ужас пронизывает меня, пока Оскар удивленно глядит на Севастьяна. Я начинаю миллион раз жалеть о том, что согласилась сказать сыну правду и вообще впустила Севастьяна в нашу жизнь.

— Правда? — спрашивает Оскар и переводит взгляд на меня.

Я не знаю, как лучше поступить: подтвердить слова бывшего мужа или опровергнуть. Когда мой ответ затягивается, я на свой страх и риск киваю головой, мол, правда.

Оскар снова смотрит на Севастьяна.

— А почему ты меня бросил?

— Я просто не мог быть рядом с тобой, — Сева нежно берет ладошку сына в свою. — Но теперь могу.

Оскар хлопает глазами. Я приросла к стулу и сижу ни жива ни мертва.

— Ты больше не уедешь?

— Нет. Я больше никогда от тебя не уеду. Обещаю.

Оскар снова вопросительно смотрит на меня. Я опять киваю одеревеневшей шеей. Спина взмокла от напряжения.

Но, кажется, я одна на этой кухне испытываю напряжение. Севастьян расслаблен, улыбается сыну. Оскар тоже теперь глядит на Севу с радостной улыбкой.

Что, вот так просто?!

Глава 20. Девятнадцатый век

В пятницу я в красивом вечернем платье, с прической из салона и профессиональным макияжем сажусь в свою машину и еду на празднование дня рождения мамы Ильи. Банкет пройдет в особняке девятнадцатого века. Это не ресторан, а что-то типа банкетного зала, который сдается в аренду под различные мероприятия.

Оскар остался с няней. И это для меня глоток свежего воздуха, потому что всю неделю сын засыпал со мной и заставлял меня перед сном звонить по видеосвязи Севастьяну. У нас теперь новая традиция — обязательно рассказать папе, как прошел день в садике и услышать от него «Спокойной ночи». Без разговора с Севастьяном Оскар не ложится спать.

Я, конечно, знала, что сын мечтает о папе, но даже не подозревала, что до такой степени. Теперь не проходит и пяти минут, чтобы Оскар не произнес слово «папа». Меня от этого слова уже тошнит. Папа то, папа это. А мы с папой, а вот папа... Мне кажется, я больше не нужна Оскару. Ему больше никто не нужен, кроме папы.

Но чем ближе я к банкетному залу, тем меньше у меня мыслей о Севастьяне и больше о маме Ильи. На соседнем кресле лежит подарок для нее: шейный платок «Шанель» и букет цветов. Сначала я ломала голову, что подарить, а потом подумала: какая разница? Ей все равно не понравится подарок от меня. Я в любом случае буду нежеланной невесткой.

Припарковавшись возле старинного здания, несколько минут сижу в салоне, прикидывая, что меня ждет ближайšie несколько часов. Поддержка Ильи у меня точно будет. Он написал сообщение, что уже приехал.

Задумчиво барабаню пальцами по рулю.

На дне рождения будут тридцать человек, сказал вчера Илья. Родственников у их семьи почти нет, а значит, на банкете соберется весь киношный свет. Будут режиссеры, продюсеры и именитые актеры.

Наверняка будет Игорь Петрович, продюсер фильма, за главную роль в котором мне предстоит побороться. Мой агент Ян прислал мне сценарий. И это было лучшее из всего, что я читала за последние несколько лет. Это фильм, который зрители запомнят надолго. Они будут пересматривать его снова и снова, думать о нем, обсуждать. А если эту картину не заметят на Западе, то они будут полными дураками.

Ян сказал, скоро первые пробы. Нужно рассказать монолог из сценария. Я уже вызубрила его наизусть и каждый день репетирую перед зеркалом. Вживаюсь в роль. Пытаюсь почувствовать себя Сашей Тельмановой — так зовут героиню, мать-одиночку, страдающую шизофренией и борющуюся с бывшим мужем за сына.

Саша близка мне. Как минимум, тем, что мы обе матери трехлетних мальчиков. Понять мать-одиночку может только такая же мать-одиночка. И хоть мне пока вроде бы не приходится бороться с Севастьяном, я все равно начеку с бывшим мужем. Аппетиты Севастьяна будут расти. Сейчас он хочет просто видеть Оскара раз в неделю, а потом он неминуемо захочет большего. И потребует этого от меня. А если я не дам, будет война.

Я беру пакет с подарком, цветы и выхожу из машины. Осторожно перешагивая на шпильках лужи, захожу в здание.

— Представьтесь, пожалуйста, — просит меня мужчина на входе. Он в смокинге и белоснежных перчатках.

— Элла Меркулова.

Мужчина смотрит в список. Слишком долго смотрит, я начинаю нервничать.

— Извините, вас нет в списке гостей.

— Что!? — восклицаю.

— Мне очень жаль, — демонстрирует отрепетированную виноватую улыбку, — но гостя по имени Элла Меркулова нет в списке приглашенных.

Возмущение застревает комом в горле. В этот момент из зала выбегает Илья:

— Элла! — кричит и торопится мне навстречу. — Эта девушка со мной, — уверенно говорит мужчине в костюме. Я так и не поняла, кто он такой. То ли дворецкий, то ли администратор, то ли лакей какой-то.

Мужчина еще раз улыбается. На этот раз улыбочкой «ну-ладно-как-скажите».

— Я тебя заждался, — Илья проводит меня к гардеробу и помогает снять пальто.

— Почему меня не было в списке гостей?

— Не знаю, наверное, какая-то ошибка.

Илья обнимает за талию и ведет в зал, где будет проходить банкет.

— Ты сразу после съемок? — оглядываю своего молодого человека. — Выглядишь уставшим.

— Так и есть. Я еле вырвался.

Мы проходим в зал. Он ярко освещается большими хрустальными люстрами в высоком потолке. В зале много золота и лепнины. Видимо, в этом здании девятнадцатого века многое сохранилось с тех времен. Посередине стоит длинный прямоугольный стол, накрытый белоснежной скатертью. Он уже сервирован фарфоровыми тарелками с узорами, серебряными приборами и хрустальными бокалами. В ряд стоят массивные деревянные стулья, раскрашенные золотом и с мягкими спинками.

Боже мой, здесь даже стулья прямиком из девятнадцатого века. Аж страшно сидеть на таких.

Такое ощущение, что я приехала не на день рождения в двадцать первом веке, а на светский прием в девятнадцатом. Но от мамы Ильи иного ожидать и не следовало. Она ведь аристократка голубых кровей.

В зале достаточно много гостей. Кроме родителей Ильи я вижу и Лену Гусеву, и Игоря Петровича. А помимо них, как я и предполагала, известных актеров и режиссеров. В груди шевелится волнение. Сегодня очень важный для моей карьеры вечер.

— Давай к маме подойдем, — говорит мне на ухо Илья.

Киваю. Она как раз закончила говорить с одним актером.

— Ирина Александровна, здравствуйте! С днем рождения! — произношу со всем чувством, с каким могу.

Мама Ильи оборачивается и, увидев меня, удивляется.

— Элла? Как неожиданно, — и быстрый вопросительный взгляд в сторону Ильи.

Мне это уже не нравится. Но не подаю виду.

— Поздравляю вас с днем рождения! Желаю здоровья, новых интересных ролей и всех благ, — протягиваю ей букет с пакетиком «Шанель».

Ирина Александровна издает смешок.

— Спасибо большое, Эллочка. Что это, «Шанель»? — смотрит на пакет. — Ой, ну что ты, не стоило!

— Еще как стоило! Я знаю, это ваш любимый бренд.

— Благодарю, Элла. Очень приятно тебя видеть, — но по ее холодным колючим глазам понимаю: как всегда лжет. — И неожиданно. — Растерянно смотрит на длинный стол. — Теперь надо как-то впихнуть для тебя стул за стол. Молодой человек! — кричит официанту в конце зала и подзывает его рукой. Когда он подходит, говорит: — У нас один незапланированный гость. Найдите лишний стул, пожалуйста.

— Больше стульев нет.

— Как нет!?

— Вы заказывали тридцать два стула: для вас с супругом и для тридцати гостей. Мы привезли ровно тридцать два. Остальные на складе.

— И что, во всем заведении больше не найдется ни одного стула!?

— Стул найдется, только он будет обычный, а не как остальные.

— Ну хотя бы обычный давайте!

Я стою, словно ведром помоев облитая. И тихо ненавижу Илью за то, что потащил меня туда, куда меня не приглашали.

Глава 21. Нужные люди

— Мам, ну как так!? — возмущенно спрашивает Илья, когда официант удаляется за стулом.

Я стою, гордо вздернув подбородок и изо всех сил стараясь не подать виду, как мне больно.

— Ты не говорил, что приедешь с Эллой.

— А ты сама не могла догадаться?

— Илюша, прости, но я не экстрасенс.

Их выяснение отношений только еще больше унижает меня. При этом Ирина Александровна остается невозмутима, мол, я не виновата, что возникла такая ситуация, ты сам притащил свою Эллу без предупреждения. Илья же покраснел от злости и, кажется, у него из ушей сейчас повалит пар.

— Мама, я думаю, тебе следует решить проблему со стулом.

— К сожалению, официант сказал, что найти такой же стул, как у остальных гостей, невозможно.

— Ну значит на приставном стуле буду сидеть я, мама!

Не передать словами, как мне хочется развернуться, уйти и больше никогда не встречать маму Ильи. Но поверх головы Ирины Александровны я вижу, что в мою сторону заинтересованно смотрит Игорь Петрович. С улыбкой киваю ему и получаю такой же вежливый кивок в ответ. А еще здесь присутствует Федор Красищев — очень хороший режиссер. А вот к нему подошел Степан Зайцев — другой известный режиссер. А вот в зал входит Никита Александров, именитый сценарист, получивший множество наград.

Я проглатываю обиду и наступаю себе на горло. Потому что когда Красищев, Зайцев и Александров будут готовить свои следующие фильмы, я хочу, чтобы они вспомнили о существовании актрисы по имени Элла Меркулова. А для этого я должна как можно чаще попадаться им на глаза. И если требуется находиться в унижительном положении там, куда меня не приглашали и где мне не рады, я буду там находиться. Я, к сожалению, не в той ситуации, чтобы громко хлопать дверью. Я не Ирина Александровна, ко мне все эти люди на праздники не приходят. А поиск встречи с ними может занять месяцы.

— Давайте не будем ссориться? — подаю приторно-сладкий голосок. — Какая разница, какие стулья?

— Эллочка, прости, что так вышло, — в глазах Ирины Александровны выступают актерские слезы. Уж перед кем-кем, а передо мной могла бы не играть роль. — Надо было заказать больше стульев на всякий непредвиденный случай. Я совсем не подумала.

— Все в порядке, Ирина Александровна. Я не настолько мелочна, чтобы придирается к стульям. Вы же знаете, я из деревни. Мы вообще на табуретках сидим.

Ирина Александровна залиvisto смеется, мол, какая смешная шутка.

— Обожаю твое чувство юмора, Эллочка, — на этих словах она разворачивается и уходит к другим гостям.

— Элла, прости, — тяжело вздохнув, Илья берет меня за руки и смотрит мне в глаза с видом побитого щенка. — Я сяду на этот приставной стул.

Его, кстати, уже принесли. Официант держит в руках черный пластмассовый стул и растерянно прикидывает, как можно сдвинуть другие стулья, чтобы этот пластмассовый поместился.

— Это все из-за Оскара, да?

— При чем тут Оскар?

— Твоя мама терпеть меня не может, потому что у меня есть ребенок от другого брака. Она бы хотела для тебя девушку без детей.

— Брось, Элла, что за ерунду ты вбила себе в голову! Произошло недоразумение. Я думал, мама сама понимает, что я приеду с тобой. А оказалось, она это не учла. Ну подумаешь, какой-то стул!

— Пожалуйста, хватит делать вид, будто твоя мама меня обожает, — зло цежу. — Я, по-моему, на дуру похожа и не могу понять, когда мне искренне рады, а когда нет? Я просто хочу понять причину: что я ей сделала?

— Элла, пожалуйста, хватит, — Илья привлекает мое деревянное тело к себе и обнимает. — Ты потрясно выглядишь, — шепчет на ухо. — И я очень по тебе соскучился. Я тут подумал, может, когда закончатся мои съемки, махнем куда-нибудь на курорт?

Я хочу оттолкнуть от себя Илью и вlepить ему пощечину. Слезы жгут глаза, горло сковало колючей проволокой.

— Убери от меня свои руки немедленно.

Илья послушно отпускает меня и отходит на шаг. Я оглядываю помещение. Гостей стало еще больше. Пора делать то, для чего я здесь осталась, несмотря на унижение: напоминать о себе нужным людям. Я отхожу к фуршетному столу, беру стакан сока и направляюсь к Игорю Петровичу.

— Добрый вечер, какая неожиданная приятная встреча.

Продюсер убирает телефон в карман и одаривает меня улыбкой. Боже мой, неужели среди этого праздника гиен я вижу настоящую искреннюю улыбку?

— Да, встреча очень приятная, Элла, — Игорь Петрович первым тянется к моему стакану и с легким звоном ударяет по нему своим. — Не пьешь алкоголь?

— Я за рулем.

— На такие мероприятия обычно приезжают на такси или с личным водителем. — У продюсера в стакане виски, и он делает глоток.

— У меня еще маленький ребенок, с тех пор, как он родился, я вообще перестала употреблять алкоголь, даже по праздникам. У меня патологический страх: с ним что-нибудь случится, а я пьяная.

Игорь Петрович удивленно взмывает вверх кустистые седые брови.

— Не знал, что у тебя есть ребенок.

— Мальчик, три года, зовут Оскар. И нет, не в честь премии Оскар!

Игорь Петрович громко смеется, и я вместе с ним.

— И с кем сейчас твой сын?

— С няней. Но мне нужно отпустить ее до часа ночи, так что я здесь ненадолго.

Наш милый диалог прерывает Лена Гусева. Она нагло подходит к нам с бокалом красного вина в руках. Вот буквально вклинивается в наш разговор!

— О чем смеетесь?

Сучка. Какая же сучка. Специально приперлась, чтобы не дать мне пообщаться с Игорем Петровичем наедине.

— Элла рассказывает мне про своего трехлетнего мальчугана.

— Ты в разводе, да? — интересуется Лена и делает глоток из бокала.

— Да.

— И как у тебя дела с бывшим мужем?

Лена никогда не делает ничего просто так. Она подошла к нам, потому что тоже претендует на роль матери-одиночки. И вопросы задает такие, чтобы выставить меня не в очень хорошем свете. Ян говорил, что для этой картины ищут актеров с хорошей репутацией и без скандалов за плечами. Чего добивается Лена? Хочет выставить меня проблемным экземпляром?

— Нормально. Он тоже публичный человек, чиновник. Мы уважаем друг друга.

— Да? — изумляется Игорь Петрович. — И кто твой бывший муж? Я его знаю?

— Севастьян Терлецкий, новый министр транспорта.

— Ой, я слышал о нем! Видел, в новостях показывали, что назначили нового министра.

— Это мой бывший муж, — скромно приподнимаю уголки губ.

— А кем он был до того, как стать министром?

— Губернатором. А до этого занимался бизнесом.

— Каким бизнесом?

— Ликеро-водочным. К слову, его завод продолжает успешно работать.

Я вижу в глазах продюсера одобрение. Господи, никогда бы не подумала, что буду хвалиться браком с Севастьяном! И что Севастьян вообще хоть где-то может мне пригодиться!

— Ликеро-водочный бизнес — это хорошо, — мечтательно произносит Игорь Петрович. — Помню, в былые времена водочники хорошо помогали нам с финансированием. Они нам деньги на фильм, а мы им в этом фильме рекламу их водки. Отличный был бартер! Но это давно было, еще когда власти не зажали со всех сторон рекламу алкоголя.

— А, по-моему, ликеро-водочный бизнес — это очень скользко. И скандально. Вечно этой водкой кто-то травится, — Лена кривит нос. — И вообще, кто-то еще пьет водку?

— Я пью! — с гордостью произносит Игорь Петрович. — Лучше нашей беленькой ничего нет. Но Ира ее не наливает, — укоризненно глядит в сторону мамы Ильи. — Приходится давиться этим заморским пойлом, — глядит на виски в своем стакане.

— Прошу всех к столу! — громко объявляет Ирина Александровна.

Я спешу к Илье, который уже уселся на приставной стул в самом краю стола. Сажусь рядом с ним на стул девятнадцатого века. Илья предпринимает попытки заговорить со мной, я его игнорирую. Мне снова срочно требуется отвлечься от унижения, и я начинаю непринужденный разговор со своим соседом по левую руку — режиссером Зайцевым.

— А я до сих пор помню вашу лекцию у нас в театральном три года назад, — говорю ему. — Вы так интересно рассказывали!

Его лицо становится радостным, как у ребенка.

— Вы Элла Меркулова, да? Я слышал про вас.

— Надеюсь, хорошее?

— Да, мне говорили, что с вами комфортно работать. Вы не опаздываете на съемочную площадку, не забываете текст и не спорите с режиссером.

Приятно, когда о тебе ходят хорошие отзывы. Мое настроение чуточку улучшается.

— Илья, а чего это ты выбиваешься из коллектива? — громко спрашивает через весь стол Лена Гусева. Она имеет в виду приставной стул.

— Я в своем следующем фильме буду играть бедного родственника. Вживаюсь в роль.

По залу прокатывается громкая волна смеха. На самом деле Илья будет играть не бедного родственника, а шпиона, который для слежки вынужден внедриться в семью своего троюродного дяди.

Вот у кого нет проблем с хорошими ролями, так это у Ильи. Он, безусловно, талантлив. Нет, правда, Илья очень талантлив. Я была поражена, когда снималась вместе с ним. Но его известная фамилия тоже ему помогает. В нашем поприще на одном таланте далеко не уедешь. Надо еще связи иметь.

Илья пытается взять под стол мою руку, но я ее выдергиваю. Сейчас, как ни странно, мои мысли заняты Севастьяном.

Глава 22. Молодые и перспективные

В двенадцать ночи я отдаю официанту пустой стакан из-под сока и собираюсь уезжать домой. Гости давно оторвали задницы от стульев девятнадцатого века и рассредоточились по залу. Я пообщалась со всеми, с кем хотела. Только гадюка Лена Гусева постоянно вклинивалась в мои диалоги. Сначала меня это бесило, а потом я подумала: раз Лена так делает, значит, боится меня. И в этот момент у меня немножко поднялась самооценка.

Я выхожу из зала, не попрощавшись ни с Ириной Александровной, ни с Ильей. Первой мое «до свидания» не нужно, а на второго я обижена. Но когда я одеваюсь в гардеробе, Илья выбегает за мной.

— Давай я тебя отвезу.

— Я на своей машине.

— Я отвезу тебя на твоей машине.

— Не надо, я не пила.

Застегнув пальто, я разворачиваюсь и громко цокаю каблуками в сторону выхода. Тот же дворецкий, что не обнаружил меня в списках гостей, любезно распахивает передо мной дверь на улицу. Илья поспевает следом.

— Элла, пожалуйста, ну хватит, — берет меня за руку и разворачивает к себе лицом, когда я подхожу к водительской двери.

— Что ты от меня хочешь? — устало спрашиваю.

— Я хочу, чтобы ты перестала на меня обижаться из-за глупого недоразумения со стулом.

— Илья, ты правда не понимаешь или прикидываешься?

— Чего не понимаю?

— Того, что твоя мама терпеть меня не может. И, знаешь, мне глубоко плевать на твою маму. Вот правда. Твоя мама на хрен мне нигде не сдалась. Просто меня бесит, почему ты не можешь открыто признать, что я ей не нравлюсь. Она не хотела видеть меня на своем дне рождения, а ты меня специально сюда потащил. Зачем?

У Ильи такой страдающий вид, что на миг мне становится его жалко.

— Я думал, она понимает, что я приеду с тобой.

— Не надо ни о чем думать. Надо просто озвучить вслух правду: твоя мама терпеть меня не может, потому что у меня есть ребенок от другого мужчины. Вот и все.

Илья медленно качает головой.

— Моя мама... Понимаешь... Она...

Илья замолкает, и я вопросительно выгибаю бровь, мол, что? Продолжай.

— Да, ей не очень нравится, что я выбрал себе девушку с ребенком, — произносит виновато. Наконец-то я добилась от Ильи чистосердечного признания! — Но дело не только в том, что у тебя ребенок. Это, пожалуй, даже не главное.

— А что главное?

— В общем, мама понимает, что в кино ей мало осталось. Еще лет десять, и ей будут предлагать только роли мам или бабушек главных героинь. Поэтому она очень остро воспринимает всех молодых актрис. Это очень болезненная тема для нее. Она переживает из-за того, что на большом экране ее дни подходят к концу.

Слова Ильи настолько неожиданны, что я теряю дар речи. Я о каких угодно причинах нелюбви Ирины Александровны ко мне думала, но только не о такой.

— Так что мама сейчас переживает сложный период. Просто дай ей немного времени. Я думаю, со временем все станет нормально.

— Но она же дружит с Леной Гусевой! — наконец-то обретаю способность говорить.

Илья скептически хмыкает.

— Да нет там никакой дружбы. Просто они в одном спектакле играют.

Илья притягивает меня к себе и обнимает.

— Что мне сделать, чтобы ты меня простила? — я вижу в глазах Ильи искреннее раскаяние.

После всех его признаний я уже не так злюсь. И все же пока не готова принять Илью с распростертыми объятиями.

— Сейчас я хочу побыть одна. Позвони мне завтра.

Илья с грустью кивает. Я хочу выпутаться из его рук, но он склоняется надо мной и целует в губы. Несколько секунд я вяло отвечаю на поцелуй, а затем мягко отталкиваю Илью от себя ладонью в грудь. Он больше меня не держит и позволяет уехать.

По дороге домой я думаю о словах Ильи про его маму. Конечно, я знаю, что где-то после сорока у всех популярных актеров появляется небольшая тревожность. И обернуться не успеешь, как все главные роли будут у молодых и дерзких, а тебе достанутся разве что роли их бабушек. Так что в каком-то смысле я маму Ильи понимаю и даже жалею. Потому что через двадцать-тридцать лет буду на ее месте. И все же, считаю, она могла бы относиться ко мне лучше просто потому, что я избранница ее сына. А она всем своим видом пытается показать, как ненавидит меня.

Я паркуюсь во дворе дома, поднимаюсь в квартиру и отпускаю няню. Оскар спит. Надо и мне ложиться. Но заходя в ванную, слышу стук в дверь. От неожиданности аж вздрагиваю. Становится страшно. Кто пришел так поздно? Неуверенно гляжу на входную дверь, не зная, что делать. Стук повторяется, и тогда я крадусь на цыпочках в прихожую. В такие моменты жалею, что у меня дома нет ни пистолета, ни бейсбольной биты.

Смотрю в глазок. И страх моментально сменяется злостью. На лестничной площадке стоит мой горе-сосед.

Поворачиваю в замке ключ и открываю дверь.

— Чего тебе? — шиплю.

— Я увидел с балкона, как ты приехала. Завтра суббота, выходной. Не хочешь шампанского? — Севастьян демонстрирует мне бутылку.

Глава 23. Романтик

— С ума сошел!? Час ночи!

— Отличное время, чтобы выпить шампанского, — улыбается, как Чеширский кот.

Я еще раз смотрю на бутылку. Это шампанское Севастьяна, в смысле с его завода. В голове всплывает разговор с Игорем Петровичем о том, как в былые времена водочники давали деньги на фильмы в обмен на рекламу своего алкоголя.

Сама не знаю, зачем, но я открываю дверь шире и впускаю Севастьяна в квартиру. Во второй руке замечаю у него пакет с продуктами. Пока он раздевается и снимает обувь, закрываюсь в ванной, как и планировала. Смываю макияж, быстро принимаю душ и переодеваюсь в домашний спортивный костюм. Когда вхожу на кухню, на столе стоят два бокала, наполненных игристым, а также большое блюдо с сыром, виноградом, медом и колбасными нарезками.

Смахивает на романтический ужин. С подозрением кошусь на Севастьяна. Он в синих джинсах и футболке довольно на меня смотрит.

— На самом деле я не пью, — говорю и сажусь на стул напротив Севы.

— Ты же сейчас не на работе.

— Дело не в работе. С тех пор, как я забеременела Оскаром, я перестала пить алкоголь вообще.

— Во время беременности понятно, а сейчас почему не пьешь?

— Я боюсь, что с Оскаром может что-то случиться, а я в этот момент буду пьяной и не смогу ему помочь.

Я не шутила, когда говорила Игорю Петровичу, что не пью после рождения ребенка. Я действительно боюсь, что с сыном может произойти какая-то беда, а я в этот момент буду выпившая.

— Что с ним может сейчас случиться? Он спит.

— А вдруг он заболел, проснется от того, что поднялась температура? Или у него рвота начнется? Надо будет его лечить, вызывать врача, скорую, а я пьяная.

Сева смотрит на меня, как на дуру.

— Это всего лишь бокал шампанского, а не бутылка водки.

— Я быстро пьянею. К тому же не пила четыре года.

— Тогда поступим так, — отодвигает от себя бокал. — Ты пьешь шампанское, а я остаюсь трезвым родителем, на случай если у Оскара поднимется температура, начнется рвота, понос, сыпь, кашель, чихания и все такое.

Я смеюсь и качаю головой.

— А вдруг я не проснусь и, соответственно, не смогу тебе позвонить?

— Не переживай, я посплю у вас.

Выгибаю бровь.

— Интересно.

— В зале на диване, если не прогонишь меня.

Я снова смотрю на красиво сервированный стол. Севастьян постарался, как будто заранее планировал этот вечер. Наверное, я не должна допускать этого. Ну потому что правда выглядит, как романтик. Но маленькие пузырьки в бокале шампанского гипнотизируют меня. Они быстро летят вверх и лопаются. Светло-желтая жидкость так и манит. Севастьян вкусное шампанское производит. Оно не кислое и не отдает спиртом. Рот моментально наполняется слюной.

Секундная слабость оказывается сильнее здравого смысла. Я беру бокал и делаю глоток. Игристое приятно холодит рот и язык, маленьким комком проходит по пищеводу и падает в

желудок, моментально согревая его. Я блаженно прикрываю глаза, продолжая смаковать вкус во рту. Чувствую, как моментально ослабли ноги и повело голову.

— Очень вкусное.

Я беру кусочек сыра с голубой плесенью, макаю в мед и отправляю в рот. Следом делаю еще один небольшой глоток шампанского. Заедаю виноградом.

Блаженство.

— Где ты была?

Севастьян вытягивает ноги на полу кухни и скрещивает руки на груди. Я приваливаюсь виском к стене и смотрю на него из-под полуопущенных век.

— Ходила на день рождения. — Хочется добавить: «На который меня не приглашали». Но молчу. — А как ты узнал, когда именно я вернулась домой?

— Я же говорил: увидел с балкона.

— Прямо случайно увидел? — не верю.

— Ну конечно, не случайно. Я следил из бинокля.

— Уже больше похоже на правду.

Мы о чем-то говорим. Начинаем, как обычно, с Оскара, а потом перепрыгиваем на другие темы. Болтаем обо всем и ни о чем. Я пью шампанское и ем вкусности, которые принес Севастьян. Мне хорошо.

Мне офигенно хорошо.

С Севастьяном я могу быть самой собой. С ним не надо притворяться и играть роль. Не надо пытаться ему понравиться. Не надо производить на него впечатление. С ним я такая, какая есть. В данный момент в спортивном костюме, без косметики и с небрежным пучком на голове.

Наверное, это действие алкоголя, но я совсем не злюсь на бывшего мужа. Вообще, вся ситуация с этим «романтиком» очень странная, учитывая, что я состою в отношениях, и мой молодой человек категорически против, чтобы я общалась с бывшим супругом. Если Илья узнает, что я пью шампанское в компании Севастьяна, разговариваю с ним о разном, смеюсь, он очень сильно разозлится.

Но за то время, что Сева общается с Оскаром, мы с ним стали... как будто друзьями, что ли. Ну не прямо друзьями, конечно. Но нормально и легко общаемся. Я стараюсь не вспоминать обиды и не лелеять боль, которую Севастьян мне причинил. Он тоже ведет себя очень сдержанно. Есть моменты, которые меня бесят. Например, что Севастьян следил за моей жизнью и специально поселился в соседнем доме. А еще, что продолжает встречаться с Мариной.

Нет, это не ревность. Я совершенно не ревную Севастьяна ни к Марине, ни к кому-то еще.

Просто меня до скрежета зубов бесит Марина.

Блин, зачем я о ней вспомнила?

— Как дела у Марины? — вырывается вопрос ни с того ни с сего.

Он застал Севу врасплох. Двадцать секунд назад мы обсуждали плюсы платной парковки в Москве

— Не знаю. А что?

— Просто интересно.

— Зачем ты вообще ее вспомнила?

Действительно, зачем я вспомнила Марину. Закидываю в рот несколько виноградин и делаю еще глоток шампанского. Я выпила почти всю бутылку. Мне бы остановиться. Для человека, который вообще не пил примерно четыре года, бутылка — это очень много.

Но уж слишком вкусное шампанское.

Еще глоток. Кусочек сыра с медом.

— Марину трудно забыть.

Сева тихо смеется.

— Она не тот человек, о котором тебе следует переживать.

— Я не переживаю. Просто удивляюсь. Что ты в ней нашел? Неужели нет других девушек? — еще глоток шампанского.

Сева глядит на меня лукаво.

— Есть одна девушка, к которой я небезразличен. Но она меня терпеть не может. И у нее есть парень, какой-то тупой актер. Поэтому мне приходится довольствоваться Мариной.

Я резко выпрямляюсь на стуле. Севастьян улыбается милой улыбочкой, как бы шутит, вот только мне не до смеха.

Во-первых, он впервые произнес вслух, что небезразличен ко мне. Такое признание повергает меня в шок. Понятно, что раз он спал со мной, я, как минимум нравилась ему. Но он никогда не говорил этого вслух.

А во-вторых, мне не нравится, что Севастьян в принципе такое говорит. Когда я мечтала о его признаниях, он молчал. А теперь, когда они мне не нужны, он зачем-то произносит их вслух.

— Я не хочу слышать от тебя ничего подобного, — заявляю. Хочу, чтобы голос звучал строго, но язык заплетается.

— Почему? Я говорю правду.

Я резко встаю со стула и тут-то чувствую, насколько сильно опьянела. Едва удержавшись на ногах, хватаюсь за край стола и чуть не падаю. Севастьян подскакивает с места и берет меня под локоть.

— Ты в порядке?

— Твое шампанское слишком пьянит. Я пошла спать.

Обхожу его, делаю два шага, но в темном коридоре снова чуть не падаю. Сильные руки успевают подхватить меня сзади.

— Давай доведу тебя до кровати, — шелестит на ухо.

Севастьян держит меня обеими руками чуть ниже плеч. Моя спина прижимается к его груди. Я прикрываю веки, чувствуя, как его дыхание колыхает мои волосы.

«Есть одна девушка, к которой я небезразличен», в голове снова и снова повторяется его признание.

Пока я медлю с ответом, руки Севастьяна ползут с моих предплечий в сторону грудной клетки, обводят ее дугой и обнимают меня. Я стою в кольце его рук. И...

Чувствую, как мое тело меня предает.

Глава 24. Завтрак мечты

Севастьян ничего не делает, просто держит меня в руках. А я плыву. Голова кружится, земля под ногами уходит. Я закрываю глаза и чувствую, как проваливаюсь в пучину. По венам вместо крови разливается тепло. Внизу живота концентрируется приятная тяжесть. Между ног становится влажно.

«Это все алкоголь», звучат отголоски здравого смысла.

Я хочу снять с себя руки Севастьяна, но тело стало ватным и непослушным. Колени подгибаются, я бы упала, если бы меня не удерживали сильные руки Севы. А потом я делаю сальто и чувствую невесомость. Я парю в воздухе.

Приземляюсь на что-то мягкое

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.